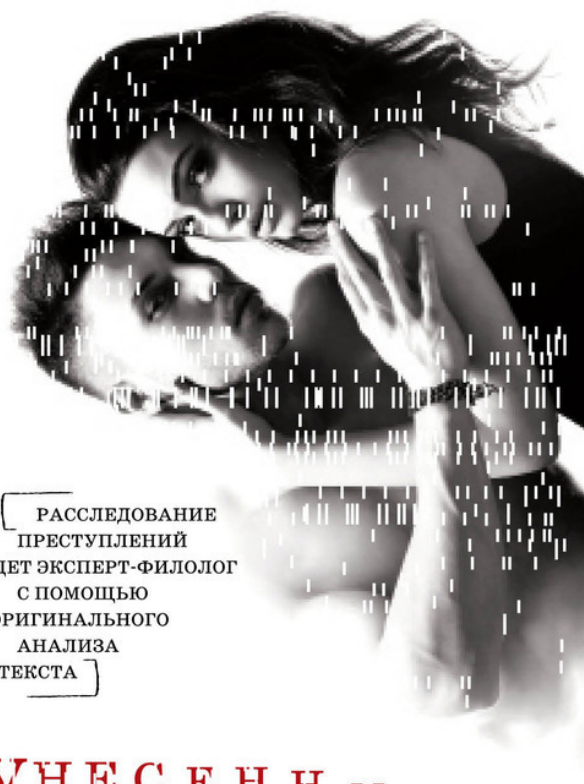

ТАТЬЯНА
ШАХМАТОВА

РАССЛЕДОВАНИЕ
ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ВЕДЕТ ЭКСПЕРТ-ФИЛОЛОГ
С ПОМОЩЬЮ
ОРИГИНАЛЬНОГО
АНАЛИЗА
ТЕКСТА

УНЕСЕННЫЕ
БЛОГОСФЕРОЙ

Татьяна Сергеевна Шахматова

Унесенные блогосферой

Серия «Виктория Берсенева», книга 1

Серия «Детектив с филфака»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22033464

Унесенные блогосферой / Татьяна Шахматова.: «Э»; Москва; 2017

ISBN 978-5-699-95595-4

Аннотация

Город потрясло жестокое преступление – молодую семейную пару изошренно убили в собственной квартире: её задушили, его вытолкнули в окно. Перед смертью жертвы заказали на дом шикарный ужин, который остался раскидан по комнате, а входная дверь оказалась открыта. Пара вела активную жизнь в социальных сетях, поэтому в следственном комитете решили дать прочесть весь этот гигантский объём переписки филологу, человеку из научной среды, чтобы найти следы угроз, речевой агрессии, сомнительных связей. Опытному лингвисту тексты и контексты, которые они образуют, могут сказать намного больше, чем простому читателю. Поэтому филологу-эксперту Виктории Берсеновой удалось сделать важные выводы о личностях убитых, и, возможно, это поможет раскрыть преступление, ведь обычное следствие зашло в тупик...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	28
Глава 3	50
Глава 4	57
Глава 5	79
Конец ознакомительного фрагмента.	91

Татьяна Шахматова

Унесенные блогосферой

Несмотря на то, что сцены и персонажи этой книги выдуманы, она базируется на научных фактах и реально существующих характерах.

Все имена и названия вымышленные, прямое соотнесение персонажей и событий книги с реальностью – личное дело каждого.

Глава 1

Те же раки, только лобстер

*Мы не просто переписываемся, мы живем в Сети, пытаясь переписать свою жизнь набело.
Артем Карапетян, журналист, писатель*

Что-то легкое, прерывистое повисло в воздухе, как перья печного дыма над частным сектором в пятницу вечером. Перья расплывались, ловили друг друга за хвост, пока не перемешались в густую серо-синюю массу. Я резко выдохнул, сел на кровати и помотал головой, пытаюсь стряхнуть остатки этого серо-синего тумана. Только сейчас я понял, что это был не сон. Точнее, не совсем сон. Окончательно проснувшись, я теперь разобрал, что серо-синим туманом мне представился

мужской бас, монотонно звучащий за тонкой гипсокартонной стенкой. Кажется, это называется синестезия – цветовой слух. То ли Скрябин, то ли Римский-Корсаков видели свои симфонии в цвете. Мое же видение оказалось более прозаичным. Серо-синим туманом был голос какого-то незнакомого мужика. И что он вообще тут делает в такое время?! Мужик меж тем продолжал:

– Да ладно тебе. Почему не хочешь? Быстренько прочитаешь, и все. Вообще не вижу проблемы...

– Ш-ш-ш-ш, – зашипел на Серо-синего второй голос.

Видимо, они слышали мою возню.

– Каждый писатель мечтает о большом жанре. Разве нет? – снова вступил Серо-синий, прилежно понизив громкость, но я все равно различал каждое слово, потому что гипсокартон только создает видимость настоящей стены.

Я окончательно проснулся.

– Ты издеваешься? – возмутился второй голос. – И вообще, чукча не писатель, чукча – читатель... А читатель мечтает, чтобы минимум слов, максимум пользы.

Второй голос был женским, и это, конечно, Виктория. Моя соседка по квартире. Девушка старалась говорить тихо, почти шепотом, и следующие несколько фраз я не расслышал, однако через пару секунд она вдруг воскликнула довольно беспардонно:

– Черт, как много-то! Это же две «Войны и мира» как минимум!

– Но у тебя же скорочтение... – пробормотал Серо-синий.
– Что случилось? – снова зашептала она, спохватившись.
– Сегодня ночью мужа и жену убили в собственной квартире. Следов взлома нет. Ее задушили. Его – вытолкнули из окна десятого этажа.

Мужчина говорил ровным спокойным шепотом, который никак не увязывался в моей голове с тем, что он говорил. Я уже вновь готов был усомниться, слышу ли все это наяву, и собрался было хорошенько ущипнуть себя под одеялом, но тут снова вступила девушка:

– Прискорбно, конечно. Но при чем тут я? – Ее вопрос звучал с неподдельным изумлением.

Значит, все-таки не сон.

– Ты ж филолог! – убежденно констатировал голос.

– Вот именно! – вздохнула она.

Раздался звук отодвигаемого стула. Ее шаги – быстрые и уверенные. Хлопнула форточка. Секунда. Щелчок. Так и есть – она перечеркнула три дня своего героического воздержания, и я почувствовал запах сигаретного дыма.

– Начальству виднее. Мне было сказано подключить филолога. Я пришел к тебе.

– Все в этом мире безумно. Все. Кроме имени Чакраборти Митхуна! – выдохнула Вика в пустоту, так как вряд ли собеседник оценил цитату. – Филолог. Это специалист. В области русского языка. И литературы, – продолжила она, разделяя слова. – Я ничего не знаю об убийствах, кроме того, что о

них пишут в детективных романах.

Наш утренний гость вряд ли понял, при чем тут Митхун Чакраборти, однако иронию он уловил:

– Виктория Александровна, ты же знаешь, я человек подневольный, так что бери распечатки.

– Распечатки чего? – жалобно отозвалась она.

– Переписки убитых в социальных сетях.

– Да господь с тобой! Филолог-то вам тут зачем?

Голоса замолчали. Я слышал только, как она шумно затягивается и так же шумно выдыхает. Едва слышно хрустнул новенький ламинат: гость тоже переместился поближе к окну.

– Но ведь убийство – это по-любому лучше, чем следить, кто у кого сюжетик свистнул, или разбираться, кто кого дураком обозвал?! – снова заговорил мужчина.

Вопрос сам по себе был поставлен неслабо. Либо товарищу в детстве не читали бессмертное стихотворение Маяковского про то, что все профессии хороши. Либо мужика вконец замордовало начальство, и ему стало все равно, что выбор деятельности давно признан неблагородным предложением для спора.

– Сюжетики и «кто кого обозвал» – это по моей части. Я, черт побери, филолог или кто? А вот убийства – это по вашей. И не надо мне тут огород городить.

Она отреагировала, как я и ожидал, и тишина затопила комнату на несколько секунд.

– Вик, ты так говоришь, как будто это я придумал, – снова начал мужчина с явной досадой в голосе. – Я как генерал сказал...

– А что генерал сказал? – живо перебила она.

Снова молчание. Теперь я слышал только сопение раннего гостя.

– Генерал сказал «черт ногу сломит», – выдохнул он наконец и весомо добавил: – Без пол-литры и без филолога не разобрать.

– Именно о филологе шла речь? – с сомнением уточнила Вика, шумно затягиваясь. – Не о психологе? Не о социологе?

– Еще скажи, о патологоанатоме, – пошутил мужчина, но шутка явно не удалась.

– А это не вы на прошлой неделе назначили сексолого-лингвистическую экспертизу?

– Сексолого-лингвистическую?! Это как? – хохотнул голос.

– Вот мне тоже хотелось бы знать, – ехидно проговорила Виктория. – Журналисты окрестили какого-то чиновника «лицом с нетрадиционной сексуальной ориентацией». Следователям поручили проверить...

– Это сто процентов прокуратура, – довольно засмеялся голос, который, по методу исключения, принадлежал кому-то из работников Следственного комитета. Теперь стало понятно, почему сонное подсознание выбрало для этого голоса серо-синюю гамму: видимо, не зря говорят, что

наш мозг умнее нас самих, серый цвет соответствовал колеру формы следователей нашего славного следственного ведомства.

Поняв, что разговор только начался, а выползать пред очи неизвестного мне следака в одних трусах не хотелось, я нащупал на своем столе ноутбук. Часы показывали только 6.15. Ничего себе у них там спешка! Видимо, убитые муж с женой не простые смертные. Такой вот каламбур: не все мертвые простые смертные. Мда.

Онлайн, естественно, почти никого не было. Во всяком случае, из значимых. Я открыл Фейсбук и посмотрел оставленные сообщения. «Голая Эмма Уотсон, Одетт Энейбл или Скарлетт Йохансон?» – спрашивал один из участников группы «Философия эротики». Это закрытая группа только для нескольких друзей. Простой треп. В опросе вела Скарлетт. Я скинул комментарий: «Тройная порция счастья» – и улыбнулся, парни опять назовут меня «дипломатичным пАдонком». На второй вопрос: «Совершал ли кто-нибудь из нас что-то по-настоящему опасное в этой жизни?» – уже имелись ответы: «Каждый день добираюсь до универа на маршрутке» и «Ел шаурму на рынке». Парни не слишком откровенничали.

Я собирался добавить что-то в том же духе, но разговор за стенкой снова привлек мое внимание: Вика пререкалась с гостем все громче.

– Ну, может, про сексолого-лингвистическую – прокура-

тура. Зато про толкиенистов точно вы! – безапелляционно заверила она.

– А с толкиенистами что? – удивился мужчина.

– Являются ли почитатели книг Толкиена социальной группой и можно ли их оскорбить по этому признаку...

– И кто к тебе такое направил?

– Эска, – так она сокращала Следственный комитет.

– Социальными группами социолог занимается, даже я знаю. – Голос Серо-синего окрасился недоумением.

– Мне разъяснили, что Толкиен – писатель, а значит, толкиенистами должен заниматься филолог, – со смехом сказала Виктория, но в ее тоне слышалась надежда на то, что товарищ поможет избавиться от этой кулебяки, уже несколько недель висевшей на ее балансе. Значит, чин у перца немаленький.

– Кто разъяснил? Фамилию под определением посмотри, – озаботился перец.

– Какой-то Федяков.

– Услышал, ага.

Это «ага» прозвучало прямо-таки иезуитски; судя по всему, некто следователь Федяков, плохо разбирающийся в сферах ответственности современных гуманитарных наук, попал как минимум на выговор. Тем не менее я не разделял злорадства серо-синего гостя. В нашем мире, который кипит словами, как мировой первобытный бульон кипел зарождающейся жизнью, языковые путаницы сплошь и рядом. Слово

играет в мире информационных технологий слишком большую роль. А чем серьезнее роль, тем выше цена ошибки, тем чаще эти ошибки происходят.

Путаницы и конфликты, произошедшие при участии слов, разруливала моя соседка за гипсокартонной стеной, эксперт-филолог Виктория: клевета, оскорбление, вред деловой репутации, сомнительные журналистские расследования, угрозы, речевая агрессия, плагиат и тому подобные неудобные, неправильные, обидные речи и слова. Короче говоря, я и сам во всем этом еще не до конца разобрался и Федякова, залетевшего на выговор, мог только пожалеть. В слове нынче сила. Иначе зачем бы следственным органам понадобился простой филолог вроде моей соседки?

Получив свою дозу никотина, уважаемый эксперт подобрела и продолжать перечисление подвигов следователей на научном поприще не стала.

– Рассказывай, раз принес... – проговорила Виктория тоскливо.

– Соседи ничего не слышали, – забубнил мужчина. – Следов взлома не было, то есть хозяева сами впустили убийцу. Дело происходило ночью, значит, он не мог представиться газовиком или почтальоном. Скорее всего жертвы и убийца были знакомы. А дальше начинается мистика. Убийца ничего не взял и следов никаких не оставил.

– Как это никаких?

– Вообще никаких.

– Так не бывает.

– Я же говорю, мистика.

– И ничего необычного в квартире?

– Ничего. Если не считать лобстеров, разбросанных по полу в комнате.

– Кого?

– Не кого, а чего. Лобстеры, их еще называют омары...

– Я в курсе, кто такие лобстеры. Только они все-таки «кто».

– Что? – не понял голос.

– Не важно, – нетерпеливо перебила Виктория. – Откуда лобстеры?

– Молодые люди ужинали, когда убийца проник в квартиру. Фото с места преступления позже привезу, посмотришь на этот натюрморт. В службе доставки ресторана есть сведения, что с этого адреса часто заказывали дорогие модные блюда.

– Боже мой, какой бред!

Далее она пробормотала что-то нечленораздельное и скорее всего нецензурное и вдруг спросила отчетливо:

– Ты ел когда-нибудь лобстеров?

– Нет, – удивился мужчина. – А что?

– Да ничего, просто спрашиваю. У меня на ракообразных аллергия. Горло начинает чесаться, а потом ужасно распухает, и дышать не могу. Но, наверное, очень круто это есть.

– Ну наверное, – протянул он и вдруг живо добавил: – Вот

видишь, сама говоришь «это есть». Так что лобстеры – это «что»!

– Нет-нет, лобстеры – это «кто», – заупрямилась Виктория.

– Почему?

– Потому что... Все, не отвлекайся, давай дальше! Значит, семья была состоятельная?

– Вполне. Но это не ограбление. Нет, ты все-таки как филолог объясни мне, почему лобстеры это «кто», а не «что»?

– О-о-о, – в притворном нетерпении заныла она. – У тебя два трупа, а ты про лобстеров!

– Должен же я знать, за что тебе деньги платят? А то непонятно.

Судя по звукам, она сделала круг по комнате и плюхнулась на диван.

– Ладно. Рассказываю. Если коротко, то у одушевленных существительных винительный падеж множественного числа совпадает с родительным падежом. Например: Я ем мужчин. В женской бане нет мужчин. Я ем лобстеров. У нас нет лобстеров. А у неодушевленных существительных – они не совпадают. Я ем макароны. В доме нет макарон. Еще в конце прошлого века Антон Павлович Чехов писал, что ел устрицЫ, а не устриц, и лобстерЫ, а не лобстеров. Но сейчас категория одушевленности этих слов устаканилась. Понятно?

– Нет, – обескураженно произнес голос, который, видимо, не ожидал таких сложностей. – Зачем это все?

– Наверное, зачем-то надо, раз ты ко мне с этой своей папкой ни свет ни заря приперся, – колко заметила Виктория.

Мне стало ясно, что мужчина был знаком с Викой недавно: он пытался продолжать, но ее любимая мозоль уже была потревожена. Иногда получалось довольно весело. Я затаился.

– Ладно, рак, который к пиву, это «кто» или «что»? – спросила она.

– Рак... Ну рак... Наверное, «кто», – неуверенно сказал голос.

– Ну вот, а лобстеры – те же раки. Просто с раками русскоговорящие люди давно знакомы, нырни в Волгу, там рак по дну ползает, сразу понятно, что это «кто» ползает. А лобстеры до сих пор экзотика в виде ресторанного блюда. Поди разбери – «кто» или «что» там на тарелке лежит. Отсюда и путаница.

– Верно, – согласился голос, в котором зазвучали радостные нотки понимания.

– И покойник, между прочим, – это тоже «кто», – добавила Вика уже дружелюбнее.

– Почему? Покойник – это труп. Другими словами – мертвое тело, – запротестовал голос. – Тело – это «что», тем более если тело мертвое.

– Хорошо, пусть будет так, – на сей раз она согласилась легко, несмотря на то что мужчина был явно не прав: нет покойника, но я вижу покойника. По законам грамматики

русского языка выходило, что покойник – это еще не совсем мертвое тело, а совсем даже наоборот.

На самом деле учитель из Вики никудышный. Эта дама живет по принципу «я знаю, и мне этого достаточно», но сомнения в самой природе и пользе знания всегда вызывают в ней желание стоять насмерть. Странное сочетание: красавица, модница, шопоголик, со святой верой в разум и науку. Ко всему этому она еще и блондинка. В общем, Виктория из тех, в ком форма и содержание серьезно противоречат друг другу.

Но, несмотря на это сочетание несочетаемого, я понимал ее сейчас прекрасно. В категории одушевленности-неодушевленности русского языка явно есть какой-то мистический смысл. Язык как бы отмечает пограничную зону. Например, слово «кукла» у нас живое, а вот микробы и бактерии могут быть и живыми, и неживыми. Бесспорно, живые – это мертвецы, русалки, лешие, боги всех времен и религий, хотя богословы, религиоведы и философы поломали на эту тему немало копий.

– Все, кроме шуток, – снова заговорила Виктория. – Убийца проник в квартиру, двоих порешил, ничего не взял, следов не оставил. Из относительно живых свидетелей имеются только лобстеры, и следствие зашло в тупик, то есть оно зашло к филологу. А если совсем серьезно, то я все равно не понимаю свою задачу в этом деле. Ты же знаешь, я могу анализировать только текст.

– Не заговаривай зубы! – взмолился голос. – Я тебе текст и принес! Текст для анализа.

В комнате ухнуло, видимо, мужчина хлопнул о стол чем-то тяжелым. Вика снова зашипела, и он добавил уже на грани слышимости:

– Интернет-переписка убитых.

– Зачем? – спросила Вика. – Я ж тебе говорю, с моей точки зрения, что твои покойники, что их лобстеры – одно и то же. Одушевленные существительные, мужского рода во множественном числе.

– Мотив надо найти, – достойно противостоял следовательно этой предельно абстрактной логике, за которую многие не любят гуманитариев.

– Какой мотив?

– Мог ли у кого-то из участников переписки быть мотив для убийства?

– Бред, – буркнула она. – Выявить мотив, если он выражен словами, может любой носитель русского языка. Или наши следователи разучились читать?

– В том-то и дело. Это не обычные, как ты говоришь, носители языка. Убитые – сын и невестка известного ученого-физика Романихина.

Кажется, визит домой к молодой даме в шесть пятнадцать утра начал потихоньку объясняться.

– Германа Романихина?! – переспросила Виктория. – Это который заведует кафедрой физики твердого тела?

– Знаешь его?

– Лично нет, но слышала, конечно. Он же в моем университете работает.

– Вот и генерал сказал: «научный мир». Наши следователи с этим народом неуютно себя чувствуют. А ты наш научный авангард и среди ученых человек свой – на их языке говоришь.

Вика сделала вид, что не слышала этого откровенного подхалимажа, но голос ее потеплел.

– Убийца был один? – поинтересовалась она.

– Да, скорее всего один.

– А задушил как? Руками?

– Нет. Молодая женщина задушена ее же поясом.

– Пояс нашли?

– На ней.

Виктория присвистнула:

– Изящно! А муж что делал, пока ее душили? Совсем не сопротивлялся?

– Мужа в окно выкинули. Судя по всему, сначала мужа выбросили, потом жену задушили. Эксперты дают плюс-минус двадцать минут между трупами. Точно очередность не установишь. Но, по логике, должно было быть так.

– Живого выбросили?

– Да, мужчина скончался от полученных при падении травм.

– Тогда должны быть следы борьбы.

– Там все тело – следы борьбы. Десятый этаж.

– А может, его кто-то держал, пока жену душили? Может, преступник не один был? Почему ты думаешь, что один?

– Один-двое, вряд ли больше, иначе следы бы остались или увидел их кто-нибудь. А там вообще все чисто.

Виктория помолчала, видимо пытаясь представить себе эту картину. И вдруг поинтересовалась:

– Спереди или сзади?

– Что спереди или сзади? – не понял мужчина.

– Ну, преступник... Где стоял преступник: спереди от женщины или сзади, когда душил ее? – уточнила она.

– Женщину он задушил спереди. А что?

– Пока просто спрашиваю. А почему ты уверен, что преступник он, а не она?

– Сила сдавливания. Если только не спортсменка-тяжеловеска какая-нибудь.

– Мало ли.

– Ты прямо как опытный опер вопросы задаешь, – усмехнулся следователь.

– Учителя хорошие, – в тон ответила Вика.

Следователь польщенно засопел: трюк удался. Хотя лично я на все сто уверен, что на самом деле о роли коллег в погонах в своем профессиональном становлении Вика куда более низкого мнения. Она вообще слабо верит живым учителям. Самым главным своим учителем эта женщина считает книги. Виктория искренне полагает, что любой настоящий фи-

лолог должен точно знать значение слов вроде «конволют», по памяти уметь восстанавливать родственную связь слов «бегать» и «тикать» через польское «uciekać», а также в любое время дня и ночи уметь сочинить историю с любовным треугольником, убийством, большими деньгами, пальмами и красными авто с открытым верхом, чтобы в случае чего быть в состоянии увлечь собеседников любого нравственного и интеллектуального уровня, будь то школьники престижной гимназии, их родители или заключенные колонии строгого режима. Ибо мало ли в какой жизненной ситуации может оказаться настоящий филолог?

«Филология ведет к преступлению», – как-то заявила Виктория, изучая предсмертные записки жертв, написанные под давлением убийц. Вышло двусмысленно, и она пояснила: «Текст – это улика. Преступление – один из способов монетизировать филологию в современном мире».

– Да, еще одно – в горле женщины повреждена слизистая и обнаружены остатки ткани, – продолжал перечислять подробности утренний гость.

– Кляп?

– Видимо, кляп. Горло повреждено. Криков не было, хотя ее не сразу убили.

– Ну, вот видишь. Есть зацепка.

– Если бы! – расстроено откашлялся мужчина. – Кляп не нашли. Судя по всему, убийца извлек его и унес с собой.

– Мерзость!

– Кстати, ты удивишься, но по состоянию гортани и горла медики заключили, что кляп вставляли и вынимали минимум дважды.

Вика проворчала что-то едва слышно и замолчала. Следователь тоже ничего не говорил. Я слышал только непонятную возню за стеной, эта странная пауза продолжалась минуту или даже две. Наконец раздался его удивленный голос:

– Может быть, тебе воды принести?

– Не надо, я в порядке, – сдавленно ответила Виктория. – Это все детали? Или будет еще? Ерш в заднице? Отрубленные пятки?

– Да что ж ты так реагируешь! – удивился следователь. – Хорошо еще, что я фотографии с места происшествия не принес.

Видимо, он все-таки устыдился своей неприглядной миссии.

Я представил себе, как Вика сидит на кухне на подоконнике, поджав тонкие ноги, в своем розовом халате с короткими, как будто задранными вверх рукавами, в котором она похожа на маленькую девочку, как достает тонкими пальцами еще одну тонкую сигарету, и мне стало жаль ее. Но что я мог сделать?

Вдруг она задумчиво проговорила:

– Кто ее убил, было совершенно непонятно, но, видимо, это был какой-то маньяк, потому что во рту у нее нашли белую шахматную пешку.

– При чем тут пешка? И почему маньяк? – переспросил мужчина с интонацией, которую я уже привык слышать от Викиных коллег из прокуратуры и Следственного комитета.

Я называю эту интонацию «осторожно, фрик». Виктория умела говорить красиво и непонятно. Несмотря на то что ораторы древности сравнивали блеск цитаты в речи с сиянием драгоценного камня на шее красавицы, мне иногда казалось, что Вика в этом смысле имела склонность к бижутерии. Стоило ли надеяться, что следователь читал рассказ Виктора Пелевина о двух гомосексуальных парах? Сам я распознал цитату только потому, что пелевинский сборник несколько недель валялся у нас в ванной.

Чтобы в будущем исключить необходимость утомительных флэшбэков, скажу сразу – нет, Вика не прочитала текст со скоростью три страницы в секунду и не было у нее мистического прозрения, не было и гениального инсайта от взгляда на электронный адрес убитых. Про маньяка и пешку было сказано просто ради красного словца. Как и про Чакрабанти Митхуна, который также не имеет к этой истории никакого отношения. Возможно, она намекала на то, что все мы пешки в этой жизни. Но и это вряд ли.

Мне уже реально пора было встать, но вчера вечером я забыл в ванной домашние штаны, а шкаф с остальной одеждой стоял по другую сторону от перегородки. Оставалось лежать и тихо ненавидеть раннего гостя.

Я уже написал в нашей группе под вопросом о реальных

опасностях: «Храню деньги в Сбербанке». Подумал, стер, написал: «Скачал фильм с торрента». Подумал, тоже стер. Больше делать было нечего, только лежать и пялиться на постер со Стивом Джобсом в кислотных тонах, который достался мне после премьеры фильма о великом новаторе IT-технологий. На плакате имелся слоган: «Высшее образование не заменит опыт. Лишь безумец верит, что может изменить мир, и потому меняет его». Хотелось бы мне быть тем безумцем. Однако за отсутствием ярко выраженных талантов мне пришлось смириться и потихоньку получать то самое пресловутое высшее образование в надежде, что склонности мои, а быть может, даже и таланты в скором времени проявятся.

– Пешки не было. А кляп был, и его зачем-то вставили, а потом зачем-то вынули... – донесся до меня чересчур ласковый голос Виктории, которая, судя по всему, еще не теряла надежды отвертеться от этого действительно необычного задания. – Слушай, я вам тут точно не помощник. Я покойников вообще до обморока боюсь, они же только в грамматике одушевленные.

Но ее собеседник пер как танк:

– Тебе никто покойников показывать и не собирается. Заключение медэксперта с тебя достаточно, – спокойно ответил он, и стало очевидно, что броня его танка создана официальным определением, личной подписью генерала и официальной ставкой эксперта-филолога, на которую Вику

недавно приняли для решения словесных недоразумений и конфликтов. Она не имела права отказать, и я был рад этому: мне вдруг нестерпимо захотелось узнать, что это были за несчастные люди, которых жестоко убили в собственной квартире. Почему это произошло? Кому мешала молодая пара гурманов, вечерами баловавшая себя лобстерами?

– Жа-а-аль, – протянула Вика, видимо попутно соображая, что броню надо крушить не столько женским обаянием, сколько правильной стратегией торга. – Давай, говори тогда, что от меня нужно, и все на сегодня.

– Твоя задача простая, – снова забубнил мужчина. – Тут распечатки всех сообщений убитых из социальных сетей и записи веб-архивов. Если надо будет что-то конкретно проследить, обращай к экспертам-вирусникам, попробуем вытащить. Смотри на предмет угроз, словесной агрессии, намеков и тому подобное. Сама знаешь эти ваши речевые штучки.

– Да уж, простая задача! Что они там писали в таких количествах?

– Это тебя надо спросить, что вы пишете в своих соцсетях в таких количествах. Ей было двадцать шесть, ему – тридцать.

– Generation «пи-пи-пи»... – заключила Виктория, и в этот раз цитата попала в точку: мужчина прыснул со смеху, несмотря на то что это снова был Пелевин, известный своей неизвестностью широким читательским массам.

– У меня нет страниц в социальных сетях, – продолжала она безразлично, явно заходя на второй виток торга.

– Придется завести, – прогудел голос уже в коридоре.

– Мне понадобится время, чтобы освоиться, – не меньше месяца на все про все.

– Неделя, – коротко ответил голос из «танка».

– Месяц, – отчаянно торговалась Вика.

– Генерал сказал...

– Пусть тогда генерал и экспертизу пишет. – Теперь она пересела на собственного бронированного конька под названием «штучный специалист».

– Две недели, Вик, максимум. Давай уж, поднатужься, у тебя же другого сейчас ничего нет. А я прослежу, чтобы ни прокуратура, никто больше тебя не трогал все это время.

– Попробую, – кисло изрекла она, отступая на прежние позиции.

– На. – Вика швырнула мне за перегородку мои трико. – Ты давно проснулся, я в курсе.

– А что это был за мужик? – спросил я, быстро одеваясь.

– Борис из Следственного комитета, – крикнула она, включая воду в ванной, и прошлась туда-сюда, громко стуча пятками, будто на них внезапно обрушились десять дополнительных атмосфер. Это был недвусмысленный намек на то, что мое сегодняшнее свидание с Морфеем окончено.

– Новый? – спросил я, имея в виду следователя, когда она

вернулась с полотенцем на голове. – Это я у них новый, – проговорила Вика, вздохнув. – А он следовательно по особо важным делам. По убийствам там всяким, маньякам и террористам... Я с ними не работала никогда. Совсем с глузду двинулись, не иначе.

Однако она не получила моего сочувствия. Я был взбужден всеми этими жуткими подробностями про кляп, пояс и все остальное, смутно вспомнился репортаж по городским новостям про двойное убийство в элитном районе, но таких деталей журналистам обычно не сообщают.

– Как думаешь, зачем несколько раз вставлять и вынимать кляп? – перевел тему я.

– Ну, а ты мозгами пораскинь.

– Не знаю. Кляп не мешает убить человека.

– Нет, не мешает. Но мешает кое-чему другому.

– Кричать?

– Теплее.

– Говорить?.. То есть, ты считаешь, что преступник хотел, чтобы жертва что-то сказала?

– Вряд ли от нее требовали пения а капелла, – усмехнулась Вика, отжимая волосы в полотенце.

– Думаешь, девушка что-то знала?

– Может, знала, может, наоборот, не знала, – пожала плечами Виктория. В тусклом утреннем свете она была похожа на сказочную русалку с бледной фарфоровой кожей и синими пейзажно-васильковыми глазами, почти черными сейчас.

– Здесь интересно, что убийство личное, – продолжала она. – И именно девушка была главным объектом убийцы. Ее убили второй, ее хотели выслушать. К тому же она не кричала по какой-то причине, когда кляп вынимали. При этом девушка была жива.

Она выпустила из полотенца отдавшие влагу волосы, которые тут же разлеглись по ее плечам слипшимися прядями.

– Что это значит? – никак не мог сообразить я.

– Это значит, что она говорила с преступником. Только, видимо, сказала не то, чего тот ожидал, или, как вариант, не сказала.

– А муж?

Виктория закатила глаза, демонстрируя, что я спрашиваю не о том.

– Ну вот почему я знаю! Если цель преступника была остаться с девушкой и выслушать ее, то мужа вообще, может быть, заодно убили. А может быть, он сопротивление оказал...

– Но тогда это точно твоя специализация – речь, – заметил я.

– Это специализация телепата, – иронично сощурилась Вика. – Я не знаю, что думал преступник и что не сказала жертва. Я не телепат.

– А переписка?

– Вообще ума не приложу, что они там хотят найти. Не думают же они всерьез, что паре кто-то в Фейсбуке угрожал

или где там еще – в Инстаграме? Глупость!

– Неинтересно?

– Не особо. Еще и не вовремя, сам знаешь, не до них мне сейчас, – отозвалась Вика уже с кухни.

– А почему согласилась?

– Это жизнь, – театрально вздохнула она. – Если б я могла просочиться в другую реальность, поверь, я бы просочилась.

Пока она готовила завтрак, я своими глазами увидел ту крепкую руку, которая держала ее в этой реальности, мешая «просочиться». Это была рука начальника Следственного управления Следственного комитета города, которая размашисто и уверенно вывела на пухлой папке: «ВИКТОРИИ АЛЕКСАНДРОВНЕ БЕРСЕНЬЕВОЙ. СРОЧНО!».

Глава 2

Блондинка в «Мармеладе»

Модным может стать все, что угодно. Никто и ничто не может быть застрахован от моды.
Александр Гофман, ученый-социолог

До этого дня я ходил с длинным светло-русым хвостом, который кудрявился и завивался, как ему вздумается, но, когда я завтракал, Вика вдруг задумчиво намотала мой хвост себе на палец и категорично заявила:

– Сегодня ты идешь со мной!

Я привык ей доверять и ничуть не встревожился, когда она припарковалась возле салона красоты, эффектно блиставшего идеально чистым керамогранитным крыльцом и сладкой до слипания отдельных частей тела вывеской «Мармелад». Сопротивляться было поздно. Она попросила посадить нас рядом – без разделения на мужской и женский зал, и тут же, как по мановению волшебной палочки, по соседству с ее креслом возникло еще одно, в которое моментально пристроили меня.

– Желание клиента – закон, желание VIP-клиента – Евангелие, – широко улыбалась менеджер зала, дама лет сорока, с густо накрашенными, как будто куском угля, бровями, видимо, чрезвычайно модными, потому что дама приподни-

мала их многозначительно и очень бережно. Отштукатуренные и наруганные щеки должны были, по всей видимости, создавать образ молодости и здоровья, а приторно ласковая улыбка – гостеприимства. Интересно, сколько же времени Виктория проводит в этом салоне, если ее тут так принимают? Страшно даже представить, сколько!

В черной парикмахерской накидке, фиксировавшейся на шее, я был похож на католического священника. Досаду на выступивший румянец, я показал глазами на эту нелепицу в зеркале. Я не привык к таким местам и выглядел глупее некуда.

– А смысл? – спросил я как можно более хладнокровно.

И получил ответ:

– В хорошей прическе на голове смысла иногда больше, чем в самой голове.

– Тебя не смущает, что с живым человеком обращаются, как с той-терьером? – упорствовал я, разглядывая примеры модных, условно мужских стрижек в рамках над зеркалом.

– Не ворчи, – сказала Вика, не поднимая головы от каталога разных парикмахерских чудес, и я понял, что, коль скоро позволил затащить себя сюда, надо просто не подавать виду и быть начеку.

– Они были больны, по-моему... на голову, – вдруг сказала Вика.

– Еще бы!

Я повеселел, думая, что она имеет в виду дизайнеров и

парикмахеров, но я ошибся.

– Я про этих мужа с женой. Про убитых, – уточнила она. – Пока ты собирался, я успела просмотреть переписку.

– И что?

– Представляешь, они всю свою жизнь выкладывали на обозрение в социальных сетях.

– Сейчас многие так делают.

– Я заметила. Как это называется? Навязывание миру своей ничтожной персоны?

– Это называется «дружить» в современном понимании.

– Дружить, дружить. – Она несколько раз перекатила слово во рту, словно пробовала его на вкус.

– Нехватка времени, – пояснил я.

– Может быть, – протянула Вика. – Но зачем писать человеку в социальной сети, если живешь с ним в одной квартире?

– Не знаю, но многие так делают.

– Нет, даже не это странно, а то, что они пишут личные сообщения на так называемой «стене», то есть на всеобщее обозрение: «Дорогой, спасибо за вечер!» И ответ там же, на стене: «Ты была просто восхитительна, любимая!» Это что такое?

– Тебя это удивляет?

– Да. А тебя нет?

– Нет.

– Странно.

Она замолчала и снова уткнулась в парикмахерский каталог, который ей любезно вручила менеджер зала.

– А знаешь, Вика, почему меня это не удивляет?

– Почему? – буркнула она, не поднимая глаз.

– Потому что не одни они так себя ведут...

– Вели.

– Ну да... – Мне стало не по себе. Смерть придавала трагическую завершенность даже глупому эксбиционизму и интернет-хвостовству.

– И еще смайлики и сердечки, – добавила Виктория многозначительно.

– Реально, чтобы разобраться в этом деле, тебе надо завести хотя бы Контакт или Фейсбук, – заключил я, удивляясь ее совершенной невинности в вопросах интернет-общения.

– Попробую. – Она растянула губы в усмешке, которую я зову железобетонной. Редкое умение, присущее из знакомых мне людей одной Виктории и молодому Арнольду Шварценеггеру времен «Терминатора». – Только от того, зарегистрируюсь я в Сети или нет, правила общения не поменяются, – продолжала она все с тем же нездешним выражением лица. – Речевой акт не может произноситься в никуда. Если есть говорящий, должен быть и слушающий. Если есть пишущий, должен быть читающий.

Ответить я не успел. Молодая симпатичная блондинка мягко распределила мои волосы по плечам и застыла с вопросительно-милым выражением, ласково перебирая пряди

маленькой белой ручкой. Интересно, это тоже была часть программы VIP?

– Как-то так, я думаю, – сказала Вика, передавая девушке раскрытый журнал. – Только ему не показывайте! Пусть будет сюрприз, – добавила она, а я, уже успевший кое-что понять про это царство феминистского произвола, подумал, что в случае чего всегда можно подстричься под ежик и переложить вину на ближайший военкомат. Само собой, в нормальном времени и пространстве, без запахов укладок и лаков для волос, разговаривать с Викторией придется серьезно, но сейчас, как поется в одной песне Гребенщикова: сила была на ее стороне.

Увлекаясь историей, я давно отметил моду на одежду и прически номером один в ряду необъяснимых исторических странностей. Хотя нет, мода все-таки номер два: сразу после той легкости, с которой эпохи гуманизма сменяются периодами мракобесия. Но мода – это тоже нечто: какие-то чужеродные образования, в отрыве от представлений о физиологии, как будто кутюрье являются на Землю из других галактик. То железными пластинами стягивали грудь, то шнуровали ребра, то вили прически-гнезда (и ладно бы для птиц). Теперь вот трусы, натирающие анус, каблуки, уродующие ступни... И все это – женская мода.

Мог ли я надеяться, что представительницы прекрасной половины, веками выбиравшие модную пытку, оставят меня в покое теперь? Теперь, когда я младший, а Вика старшая, я

гость, а она – хозяйка, я благодарный ученик, а она опытный специалист, целый кандидат наук, я – бедный родственник, а она – благородная тетушка. Да, наверное, надо было сразу сказать, что Вика приходится мне тетей. А то получилось как-то загадочно в начале. Но я еще не очень опытный рассказчик, поэтому прошу прощения.

Итак, Вика моя тетя. То есть как тетя – это только слово такое сурово-старческое. На самом деле Вика никакая не тетя с виду, а очень даже молодо выглядящая особа слегка за тридцать. Разница в возрасте между нами двенадцать лет, и по этой причине наши отношения колышутся, как линии фасадов в домах австрийского архитектора Хундертвассера: то Вика вела себя как моя подруга, то как старшая сестра, то я сам возводил ее в ранг всемогущего гуру и великого мастера, то она вдруг начинала капризничать и облагать меня данью серьезных мужских решений – это в ней говорила татарская берсеньевская кровь, которая нашептывала ей, что в нашем доме старший мужчина рода – это я. Многие думают, что мы брат с сестрой, потому что мы еще и очень похожи.

Несмотря на родство по материнской линии, фамилия у нас одна – Берсеньевы. Реальная фамилия моего отца обладала только одним преимуществом: кем бы ты ни был и куда бы ты ни пришел, на тебя обязательно обратят внимание. Отец даже собирал коллекцию забавных сочетаний: хирург Вырвикишкин, учительница Монстр, бухгалтер Стырила. Все это реальные фамилии, но их остается все меньше,

как раз по той причине, по какой вышла из обихода фамилия моего отца. Берсеньев – благозвучная фамилия тюркского происхождения с легким романтическим ореолом (от татарского «берсень» – шиповник или даже «бер син», что значит «ты один»). Отец взял фамилию жены, но смена фамилии – это как смена валентности. Жизнь моего отца с момента росчерка в ЗАГСе разделилась на две неравнозначные части. Новая аристократическая фамилия как будто переварила его. Отец совершенно опустилсЯ и ушел из семьи. Я же появился на свет Берсеньевым и некоторое время оставался единственным мужчиной в женском царстве – бабушка, мама и Вика – мамина младшая сестра, пока мама не вышла замуж во второй раз. Но и второй муж тоже задержался недолго. А деда у нас отродясь не было. Вика тоже выходила замуж, но и у нее при всей ее красоте и неоспоримом уме получилось как-то криво. Через полгода Вика развелась, кажется, к огромному своему облегчению. В общем, я так и остался единственным Берсеньевым в роду и с детства считаю себя предводителем этой семьи амазонок.

– А что там еще в этой переписке? – спросил я через некоторое время у Вики, чтобы меньше думать о свершающемся модном суде над моей головой.

Это было вполне в ее духе – обсуждать убийство в парикмахерском салоне, поэтому она нисколько не удивилась и пустилась в подробные объяснения:

– Ничего особенного: фотографии съеденных в рестора-

нах устриц, сообщения о посещениях кино и модных концертов. Фотографии с курортов: «я и пальма», «я пью коктейль», «я сижу на гальке, ножки вбок», «мы у бассейна». Новые юбки, новые шляпки. «Мой новый джип и я». По Италии на «Ламборджини» кабриолете. И переписка такая же, ни о чем.

– Ничего особенного?! – воскликнул я, невольно обернувшись в ее сторону, после чего моя голова сразу же была захвачена в мягкие тиски тонких, но сильных ручек и возвращена в исходное положение. В зеркале меня ждала очаровательная VIP-улыбка моей мучительницы. Я моргнул в знак подчинения и попытался расслабиться.

– Ты хоть в курсе, сколько стоит аренда «Ламборджини»?!

– Дорого, – лаконично выдала Вика. – Но для семьи с их достатком в этом нет ничего особенного.

– Он же преподаватель в вузе, ты сказала! А она вообще домохозяйка.

– Преподавателем он уже два года как не работал. Ушел из университета в фирму, торгующую высокоточным оборудованием. Вроде как ушел по настоянию жены, так как наука денег не дает. Там зарплата больше, чем в вузе, но не Клондайк, конечно. На самом деле их содержат его родители. Отец убитого, Герман Романихин, – известный ученый, разработчик какого-то военного аппарата, возглавляет кафедру в университете, каждый год получает серьезные гранты под военные заказы. Мать – директор стоматологической клини-

ки. В общем, семья обеспеченная.

– Откуда ты все это знаешь? Ты с ними знакома?

– Там материалы дела вообще-то есть, – пожала плечами Вика и удивленно глянула на меня, как будто всякий человек, как и она сама, способен за полчаса прочитать материалы дела толщиной в пару томов «Войны и мира». – Герман Романихин – человек в городе известный, в университете и подавно, – продолжила она после того, как парикмахер закончила намазывать ей на волосы полупрозрачную субстанцию с выраженным химическим запахом. – С Романихиным я знакома шапочно: один раз на встрече с ректором рядом сидели.

Она замолчала, с интересом разглядывая себя в зеркале и, казалось, полностью сосредоточилась на этом занятии, забыв обо мне.

– А сына его знала? – поинтересовался я, убедившись, что тетка не собирается продолжать разговор. – Вы же, получается, примерно ровесники?

– Такое знакомство маловероятно, – не сразу отозвалась она.

– Почему?

– Точек пересечений интересов мало. Хотя, с другой стороны, в этом-то и странность. – Она снова задумчиво посмотрела на свое отражение и плавно, не поворачивая головы, перевела взгляд на меня. – Чувствуешь?

Я совершенно ничего не чувствовал, кроме легких погла-

живаний по волосам от моей белокурой мастерицы. Виктория хмыкнула и продолжила:

– А странность между тем есть. И приличная. Очень интеллигентные родители, а сын с невесткой мечутся из ресторана в ресторан и устриц там фотографируют.

Я лишь пожал плечами, вспомнив сразу несколько знакомых из не менее интеллигентных семей, которые занимаются примерно тем же самым: ездят, жрут и постанут.

– Полно таких, – улыбнулся я.

– И все-таки есть несоответствие. Я бы назвала это несоответствие речевым, – настаивала она.

– Как это?

– Это «тойоточка» моего любимого. Это наши айпадики и айфончики в обновочках! А это пальчики моего зайчика. А тут шейка моей канарейки. А вот ручки моей... – Вика рассмеялась, довольная своим матерным каламбуром.

– И что это такое? – спросил я, хотя уже догадался, что она цитирует подписи к фотографиям, которые молодые люди размещали на своей странице.

– Кто так выражается? – проигнорировала она мой вопрос.

– Не знаю, кто угодно.

– Кто угодно? – Она недоуменно подняла бровь. – Ты так выражаешься?

– Я – нет...

– Я так выражаюсь?

– Ты не в счет.

– Ладно, а кто-нибудь из твоих знакомых?

– Как-то слишком сиропно...

– Вот именно. А это речь сына и снохи одной из самых известных научных семей города. Парень, между прочим, учился в аспирантуре...

– Мне кажется, ты преувеличиваешь, – возразил я, подумав о том, что в частном общении так может выражаться и доктор наук.

– Дома или на вечеринке с друзьями так может говорить кто угодно, – моментальноотреагировала Вика, выразив вслух то, о чем я подумал. – Но не на обозрении всех своих друзей и коллег по работе. Пусть даже и бывших. Такая семья – это все-таки определенный уровень.

– Ну, да, сынок профессора Романихина явно не гик.

– Что? – переспросила она.

Когда я употреблял интернет-словечки, Виктория всякий раз требовала расшифровки. В отличие от некоторых рьяных русофилов Вика не переживала о том, что русский язык умирает от засилья иностранных слов. Она относилась к процессам в языке с философским спокойствием, уверяя, что еще древние египтяне сетовали на тот факт, что их язык портится, и хотели оградить его от заимствований из древнеарамейского, на котором говорили тогдашние их рабы – древние иудеи. А если уж какому-то языку суждено умереть или измениться, то он непременно умрет или изменится, какие

бы усилия ни предпринимались для его сохранения. Так что Виктория активно осваивала самые разные новые словечки, в том числе и с моей помощью, нимало не переживая об их влиянии на судьбу нашего великого и могучего.

– Гик – это как английское geek. Типа чокнутый, – перевел я. – Чокнутый на науке. То есть Романихин-младший как раз наоборот – совсем не гик.

– Мда, не наш случай, – согласилась тетка.

Она снова замолчала, а я, воспользовавшись возникшей паузой, сказал то, что пришло в голову в первую очередь:

– Вик, мне кажется, все, что пишут эти ребята, – это речевые акты демонстрации. Как надпись на открытках из экзотических стран «wish you were here», которая буквально переводится: «смотрите, как мы круто тут без вас отдыхаем».

– Есть такое, – ухмыльнулась она.

В этот момент что-то пронеслось мимо моего уха, и через секунду я увидел лицо девушки-парикмахера совсем близко.

– Не смешите меня, – шепнула она, ловко подхватила с пола ножницы и уже через мгновение с сосредоточенным и безукоризненно вежливым выражением лица вновь кромсала мои мокрые пряди. Менеджер зала, высунувшая было на звук любопытный нос, так и не поняла, кто из девочек провинился.

– Вот тебе и читатель: подружки, друзья, такая же золотая молодежь, – проговорил я нарочито громко, испытывая гордость за удачную шутку и пытаясь перехватить в зеркале

взгляд моего прекрасного парикмахера, но девушка нарочно закрылась от меня тяжелыми волнистыми прядями.

– Вряд ли это повод для убийства, – ответила Вика, думая о своем.

– А по-моему, вполне себе повод. Почему, например, плагиат в ученой среде – повод для убийства, а новая машина соседа – нет? Или айпад? Или устрица?

Пахучее бигуди отрикошетило от моей щеки и – при всей неестественности звучания на русском – именно «оно – мое – пахучее бигуди» шлепнулось мне на колени.

– Что это за истерика? – спросил я, глазами показав на бигуди.

– Я пытаюсь побыстрее разобраться с этим дурацким делом. Иногда я рассуждаю перед зеркалом. Привычка. Можешь не обращать внимания и, ради бога, не сбивай меня! Это раз. И два, зачем ты напомнил про ученых? Мне сегодня на кафедру идти. Еще какое-то время могла о них не думать, – раскапризничалась Виктория.

– Подайте, пожалуйста, этот бигудь, – промурлыкала моя милая VIP-мучительница, и я краем глаза заметил, что Вика едва заметно дернула плечом.

Но земля не разверзлась, никого не поглотила, и лицо девушки не превратилось в старое сморщенное яблоко оттого, что она не знала об отсутствии у слов вроде «бигуди» единственного числа. Я высвободил руку из-под накидки и медленно передал бигуди, слегка коснувшись белых прохладных

пальцев девушки.

– Пока меня настораживает только одна запись со стены жены: «Хождение на лыжах и MacDonald's после них – это очень хорошо для меня!» – продолжала Виктория. – Она выбивается.

Я не отвечал, выполняя просьбу не обращать внимания, однако тетка уже требовала этого самого внимания с удвоенной силой.

– Выбивается, понимаешь? – метнула она сердитый взгляд в мое отражение.

– Чем же? – вздохнул я, сознавая, что обижаться на нее не имеет никакого смысла, как нет смысла обижаться на строптивую кошку: если кошка решила полежать на ваших коленях, она будет там лежать, несмотря на то что пять минут назад показывала спектакль, где исполняла роль матроса, используя ваши любимые занавески как мачтовый канат.

Вика рассмеялась, вернее, сделала что-то вроде «охо-хо-хо» одними губами, поскольку теперь не только ее голова была увешана бигудями и инопланетными спиралями из фольги, но и лицо облеплено прозрачной пленкой, под которую нанесли очередной чудо-крем.

– Ты был в MacDonald's?

– Был, – признался я. – Мы там пару раз после лекций зависали с группой.

– Ну и как, подавали там устриц да шашлыки из угрей?

Я промолчал и покраснел. Говоря по правде, поход в

MacDonald's был для меня событием, которое я мог позволить себе не чаще двух-трех раз в месяц. Нельзя сказать, что я пришел в восторг, – все-таки отношение нашего общества к американскому общепиту хорошо известно. Так же, как и мои друзья, я небрежно заказал картонную коробочку и картонный стаканчик, фамиллярно развалился на пластмассовом стуле, но в это самое время я втайне наслаждался аппетитным вкусом, запахом и прохладой кондиционеров. Мне почти не с чем было сравнивать, поэтому элементарный комфорт воспринимался как нечто замечательное. Но я вовсе не имел желания признаваться в этом кому бы то ни было. Вика, конечно, раскусила меня. Она сидела, обернутая, как и я, черной простыней и загадочно улыбалась на манер египетского Сфинкса. Из-за пленки на лице казалось, что у тетки, как и у нынешнего Сфинкса, вовсе отсутствует нос. Жуткое зрелище. Никогда не интересуйтесь, чем ваши знакомые женщины занимаются в салонах красоты.

– А ты знаешь, что по-настоящему характер человека раскрывается в тридцать лет? – внезапно перескочила она на другую тему. Она любила так делать, иногда это получалось кстати, сходило за экстравагантность, но чаще всего неожиданные перемены темы можно было сравнить с остановкой посреди дороги груженого самосвала, который на полном ходу дал зачем-то по тормозам, поднял кузов и вывалил все камешки-кирпичики предыдущего разговора вместе с собеседником.

Мама говорила, что это недостаток концентрации. В детстве бабушка даже заставляла сестер – Вику и мою маму за компанию – делать какие-то упражнения, чтобы наладить мозги: стишки учить, всякие ешки-матрешки психологические. Но, по-моему, все было наоборот. Если Вика чем и страдала, так это не недостатком, а избытком концентрации. Только концентрировалась она не на собеседнике, а на себе. Тибетская медицина советует иногда останавливать внутренний монолог, чтобы достичь гармонии, моя же тетка, уверен на все сто, просто лопнула бы от такой процедуры. Я привык и не обращал внимания.

– Нет, обязательно в тридцать, – продолжала она как ни в чем не бывало. – У кого-то в двадцать семь, у кого-то в тридцать три. Но возраст Иисуса Христа не случаен. Согласись, было бы гораздо логичнее, если бы Иисусу было лет сорок пять – пятьдесят. В это время человек уже умудрен жизнью, проповедуй да учи. Но нет! Ему было только тридцать три, когда он, так сказать, закончил свою земную карьеру. И это не случайно. Потому что решения, которые ты принимаешь в этом возрасте, нельзя списать ни на щенячью неопытность, ни на старческий маразм, ни на кризис среднего возраста. Решения полностью твои, и цели твои, и средства твои, и выбор твой. Страшное и прекрасное время.

На этих словах я вспомнил полку в нашей ванной комнате, которую я про себя называл «старость не радость». С сорочьим упорством Вика вклинивала в частокол всевозможных

кремов и мазей очередного собрата. Не уверен, что она точно помнила назначение каждого предмета из этого пахучего легиона, но продемонстрировать свой «страшный и прекрасный возраст» она точно не стремилась. Ей удавалось, надо сказать. То ли мази помогали, то ли наше семейное узкокостное сложение, но Вика на свои тридцать не выглядела.

– Наши убитые входили в возраст Христа. И вдруг им трагически подвернулась возможность выяснить, действительно ли блажен, кто праздник жизни рано оставил, не допив до дна...

– Да уж, весь этот праздник жизни в соцсетях выглядит теперь жутковато, – согласился я, обрадовавшись, что Вика, цитируя Пушкина, вернулась к теме убийства, однако я ошибся.

– Нет, я так вообще, к слову. – Тут в пьесе стояла бы ремарка «усмехнулась», но это снова было «хо-хо-хо». – Мне сегодня тоже предстоит встреча с одним товарищем в этом прекрасном возрасте. Он, в отличие от наших убитых, не лобстерами едиными жив. Он науку движет.

Вика снова куда-то перескочила, заговорив о своем, но в этот раз я не удержал нить, потому что моя парикмахер принялась за челку. Нелепо звучит «моя парикмахер». Лучше бы узнать имя этого небесного создания, но я не был настолько удачлив. Девушка встала так близко, что можно было разглядеть структуру ткани ее синего платья, юбка которого была похожа на колокольчик кукольного наряда. Вооб-

ще девушка поразительно напоминала персонажа диснеевского мультфильма: огромные карие глаза, пухлые розовые губки, длинные до пояса пшеничные волосы, тонкая талия. Все было идеально. Живого, а не придуманного художником человека в ней выдавали только контур бюстгалтера, обозначившийся под тканью платья, и чуть потрескавшаяся от сухости кожа возле ногтей.

Вика недоуменно покосилась на меня в зеркале:

– Ты слушаешь?

Волевым усилием я оторвал взгляд от прекрасной, срочно пытаюсь сообразить, о ком сейчас говорила тетка. Впрочем, догадаться было несложно. У Виктории в данный период жизни был только один человек, которого она могла сравнить с убитыми любителями лобстеров, а возможно, она даже хотела бы видеть его на их месте. Само собой, Вика говорила о доценте университета, господине Сандалетине Кирилле Михайловиче.

После того как Вика занялась частной практикой судебной экспертизы, она больше не преподавала и занималась только научной деятельностью. В силу своего физического отсутствия на факультете она давно не участвовала в местных интригах, и с этой стороной вузовского прошлого ее связывала лишь взаимная ненависть с доцентом Сандалетиным, которая, надо сказать, сильно портила Виктории научную карьеру, так как помимо прочего доцент являлся секретарем ученого совета, через который велась вся научная деятель-

ность в университете. История эта была запутана, как следы самого черта, гонимого отовсюду в ночь перед Рождеством.

– Зачем тебе понадобился Сандалетин? – поинтересовался я.

– Свою методику анализа оскорблений хочу опубликовать. И через совет провести, чтобы ее отрецензировали. Судьи любят все отрецензированное.

– И ты думаешь, что Сандалетин пропустит?

Она вздохнула:

– Пропустить пропустит, но нервы, само собой, потрепет. Я даже заявила с этой темой на конференцию в Москву, чтобы отзывы коллег собрать. А тут это убийство, как назло. Совсем не к месту. Теперь вся надежда, что Сандалетин без отзывов пропустит, так как поездка в Москву явно откладывается.

Наконец стало понятно, почему Вика так сопротивлялась новому делу. Речь шла об амбициях. О научных амбициях. В чем в чем, а в научных амбициях эта блондинка не привыкла уступать своего первенства.

– И ты решила явиться к Сандалетину во все-оружии? – усмехнулся я, имея в виду все эти кудри и маски на лицо, но она то ли не поняла, то ли прикинулась, что не понимает.

– Методика железная. Стреляет, как «калашников» – без осечек, как ее могут не опубликовать? – пробормотала она и закрыла глаза.

Мне стало тоскливо. Не знаю, что там было раньше между

Викой и Сандалетиним, но сейчас ученый секретарь доставлял проблемы не столько ей, сколько мне. Если Вика встречалась с ним от случая к случаю, то я, начиная со второго курса, видел доцента Сандалетина каждую неделю на лекциях и практике по истории литературы, где наш преподаватель напрочь забывал о том, что семейная вендетта не российский обычай и племянник за тетю не отвечает.

Да, я тоже учусь на филфаке. Парни с нашего двора звали меня ботаном. Но разве был выбор у человека, с детства травмированного самыми разными комплексами, в том числе фрейдистскими. У меня не было отца, и я старался чаще бывать во дворе. А еще я чудовищно много читал. Могли ли чтение и дворовая дружба заменить отсутствие мужского воспитания? Риторический вопрос. Суть в том, что в результате я выбрал гуманитарные дисциплины и без труда поступил на филфак с одними из самых высоких баллов ЕГЭ по городу. Я не хвастаюсь, это теткина работа, которая стоила мне целой кучи нервов: я уже говорил, учитель она ужасный.

Теперь же я растерял большинство своих преимуществ перед одноклассниками и по оценкам стабильно занимал место среди отстающих. Рядом с тройбанами в моей зачетке неизменно красовалась кудрявая роспись человека с фамилией от слова «санда»: Сандалетин настаивал на этой этимологии и даже возводил свою фамилию к индоевропейскому праязыку. Но даже моя подпорченная зачетка не могла разговаривать с Викторией: она отказывалась объяснить, в чем

именно состоял их конфликт. Не имея даже представлений о масштабе проблемы, я терпел черт знает за что.

Коль уж речь зашла о сандале, то ведическое знание рекомендует видеть в несправедливости волю мироздания, возможно, воля состояла в том, что, чувствуя свою вину за мои трудности в учебе, Вика привлекала меня разбирать с нею реальные судебные дела, и от нее во время расследований я узнавал несоизмеримо больше, чем на университетских лекциях, которые частенько пахивали нафталином, потому что передавались по наследству от родителей к детям. Династичность в нашем провинциальном вузе была сильна. Я знал случаи, когда внуки читали по конспектам своих заслуженных бабушек и дедушек. Учитывая этот фактор, я не сильно проигрывал, изучая филологию на практике реальных дел вместе с Викторией. Сандал цветет, Ганг течет.

Во всей этой ситуации был лишь один минус – в последнее время я реально начал бояться отчисления, как-то уж слишком откровенно невзлюбил меня Сандалетин. Как раз через пару дней у меня по расписанию его семинар, и, оценив сейчас боевой настрой и раскрас Виктории, я уже внутренне готовился либо к тройбану, либо даже к двойке.

– VIP-клиентам у нас всегда скидки, – то ли сказала, то ли пропела на прощание моя прекрасная парикмахер, протягивая беленький батистовый платочек. – И на массаж тоже скидки. В этом месяце – тридцать процентов.

Зачем она сказала про массаж? Я только глупо улыбнулся

в ответ и едва выдавил «спасибо».

– О каком массаже она говорила? – спросил я Вику уже на улице.

Тетка скривила губы и больно постучала пальцем мне по лбу:

– Головы массаж. Чтобы волосы лучше росли.

Батистовый платочек оказался визитной карточкой прелестной феи: ее звали Маргаритой.

Глава 3

Две девицы под окном

Я давно думаю, что русскую классику надо запретить.

Ну, во всяком случае, в школе.

Потому что выходит молодой человек в жизнь с какими-то дикими представлениями.

Ничему ваша классическая литература не учит.

<...>

Не бывает таких святых, как князь Мышкин, таких порядочных, как Татьяна Ларина.

Не бывает.

Из фильма «Два дня», режиссер Авдотья Смирнова

Женщины отнимают колоссально много внимания. Особенно когда сознательно пытаешься сосредоточиться на чем-то важном, когда старательно не думаешь о чьих-то тонких, словно выточенных искусным ювелиром, мраморных пальцах, когда не вспоминаешь запах внезапно склонившейся к твоему лицу пряди медовых волос. Даже если настрого запрещаешь себе возвращаться мыслями ко всем этим нечаянным прелестям, если готов с головой уйти в самые насущные и неотложные проблемы, женщины все равно отнимают почти все твое время, как будто тянут на себя невидимое одеяло. Я не знаю, как у них это выходит, но они всегда тя-

нут одеяло, независимо от того, идет ли речь о постели или только о походе в парикмахерскую.

Прекрасная Маргарита постригла меня... необычно. Как только я узнал ее имя, я начал говорить ей «ты», конечно, только про себя, не «она», а «ты». Осознал я это позже, но начал именно в тот момент, когда прочитал на карточке: «Салон Мармелад. Стилист Маргарита». Итак, Маргарита, ты постригла меня необычно. Впрочем, дело было даже не в стрижке. Если учесть мой традиционный хвост, то каре по середину шеи трудно было воспринимать как заявку на кардинальную перемену внешности. Но вот укладка... Разве ты не видела, Маргарита, я стал похож на древнего рыцаря в шлеме с поднятым забралом? Наверное, тебе тоже было смешно, но ты хотела угодить постоянной клиентке Виктории, которая привела нового клиента, и изо всех сил сдерживала смех.

– Какое-то лакированное ведро, – сказал я, оглядев в зеркале результат, но в тот момент в салоне раздался хоровой вздох восхищения, в котором был слышен и голос моей тетки, и твой голос, Маргарита.

Глядя на Вику, которая сидела рядом в новеньких блестящих кудряшках и явно была очень довольна собой, я решил, что тратить нервы на выражение своего мнения по вопросу стиля не буду, а тихо-мирно поправлю дело дома с помощью воды и шампуня. Прощай, Маргарита, увидимся ли мы когда-нибудь?

Вместо того чтобы ехать с Викой в университет, я под предлогом сживания с новым имиджем отправился домой.

Как известно, все, что ни делается, делается если не к лучшему, то как минимум с умыслом, и на сей раз народная мудрость не обманула. Уже подходя к нашему подъезду, я заметил на лавочке двух девиц. Именно это слово «деви́цы», не путать с «де́вицами». Ударение здесь принципиально важно. Ударение на суффикс «иц» придает слову какую-то неряшливость, грубость: «деви́ца-дьяволица-продавщица» (исключение пушкинские «три девицы под окном пряли поздно вечерком», но это норма двухвековой давности). Де́вица – это от слова «дева», это особое состояние души – целый подвиг среди женщин гуманитарных профессий. Девушки вырастают, выучиваются, выходят замуж, превращаются кто в дам, кто в теток, это уж кому как угодно. А де́вица, она так и остается девицей на протяжении еще очень и очень долгого времени. Сидевшие на лавочке перед подъездом деви́цы относились к той части сухого остатка от выпуска гуманитарных факультетов, который получается, если вычесть легкомысленных хорошисток, удачно выскочивших замуж на пятом курсе; трезвых троечниц, которые сразу по получении диплома оканчивают курсы бухгалтеров; и всех остальных, кто честно идет тарабанить часы в школах, но лет через десять все равно обнаруживается на непыльной менеджерской должности в местном бизнес-цен-

тре. Одним словом, девы́цы были из числа неисправимых отличниц, которые и в сорок, и в пятьдесят с равной степенью одухотворенности лица размышляют о стихах австрийских поэтов или пьесах Чехова в сравнении с современной драматургией. Именно девы́цы обычно оказывают внимание тем немногочисленным представителям сильного пола, которые обучаются гуманитарным профессиям. Чаще всего их внимание остается неоцененным, и, получая диплом, они уже твердо уверены, что все мужики сволочи. То есть за все мужское человечество отвечают ровно те пять или семь парней, с которыми им удалось пообщаться в пределах студенческой группы, а при хорошем раскладе плюсуем туда и пару преподавателей.

Обычно девы́цы работают в библиотеках, музеях, занимаются наукой или остаются преподавать на родной кафедре. Нужны очень веские причины, чтобы девица обнаружила под своими ногами земную твердь.

Данные конкретные девы́цы доучивались на последнем курсе университета, то есть находились в том блаженном состоянии, когда ты давно перестал работать на зачетку и зачетка как миленькая распахивает за тебя сессионные студенческие пашни. Времени у девиц было, судя по всему, вагон, и они частенько заходили к Вике как к старшему научному товарищу, по той лишь причине, что когда-то, еще будучи аспиранткой, она вела у них какой-то спецкурс по юридиче-

ской лингвистике.

Девицы были самыми надоедливymi существами на всем белом, а может быть, и темном свете тоже. Я никак не мог разобрать из их с Викой разговоров, умны девушки или, напротив, непроходимо тупы. Сам я склонялся ко второму варианту, но та серьезность, с которой к ним относилась Вика, заставляла меня до поры держать свое мнение при себе, чтобы не облажаться в случае чего. Сейчас они сидели ко мне спиной и, увлеченные разговором, не замечали моего приближения. Я остановился.

– Тебе не кажется, что бред – это самая логичная вещь на земле? Я всегда могу железно обосновать любую ахинею, чего не скажешь о хороших вещах, – степенно и громко рассуждала первая девица, похожая сзади на пупса огромных размеров.

– Ты права, – отвечала ей вторая, более изящно сделанная девица. Голос у нее звучал низко, как трубы или тромбона. – У нас в саду в этом году повалился забор. Осталась только калитка. До этого бабушка приучила собаку входить через калитку и делать свои дела за забором. Картина теперь такова: забора нет, стоит калитка, а собака ждет, пока ей калитку откроют. Нужно выйти – собака идет к калитке, ноет и ждет, пока ее не выпустит кто-нибудь. Вокруг поле... Но сделать два шага и обойти собаке страшно. Не то же ли с человеческим мозгом делает воспитание? То, что ты называешь бредом, – может быть, это просто альтернатива. Вот каковой во-

прос меня в последнее время томит.

Да, она так и сказала: «не то же ли», «томит» и «каковой». Впрочем, это меня не сильно удивило.

«Вика, к тебе твои девочки», – объявлял я и уходил за перегородку, пока они пили чай и разговаривали о чем-то своем.

«Твои девочки» – это тоже было условное название. Когда я в первый раз назвал так девиц, Вика поправила: «Это не мои девочки. Это девочки Миллер». – «Кто такой Миллер?» – спросил я и моментально пожалел о своей торопливости, потому что Вика сделала огромные глаза, как какой-нибудь кровожадный пират, чрезмерно хватанувший рому. «Женские иностранные фамилии не склоняются, – сглотнув «ром», ледяным тоном проговорила она. – Если бы это был «кто такой», как ты изволил выразиться, то я бы сказала «девочки МиллерА». Миллер – это «она». Боги! Неужели ты так же позоришь меня в университете?»

Пережив ее бурную реакцию однажды, я избегал произносить фамилию Миллер. Выражение «твои девочки» прижилось, но мы знали его истинный смысл.

Девочки все время думали и разговаривали о чем-то очень неземном. Иногда мне казалось, что они невероятно круты, а иногда – что совершенно не в себе. Я их побаивался. Однажды девица, которая тоньше, решила вовлечь меня в разговор. Это случилось, когда я вышел из-за своей гипсо-

картонной перегородки, чтобы сварить кофе. Девушка поднялась и, глядя прямо на меня, но обращаясь к Вике, проговорила: «А Саша-то ваш какой импозантный мужчина стал». После этого я старался во время их посещений не выходить из-за перегородки ни за кофе, ни за чем-либо другим.

– Это как «в упор» и «вброд», – продолжала девушка, похожая на пупса. – И то и другое наречие, и то и другое сохранили связь со словом, от которого образовались, а пишутся по-разному...

Все это был контрольный выстрел в упор. О чем вы девочки?! Сейчас они сидели спиной, но, как на грех, я поздно спохватился и подошел уже опасно близко. Застыв на месте, я прикидывал, поздно или нет развернуться и есть ли шанс уйти незамеченным. Я не жаждал, чтобы девушки узнали меня: пройти мимо было бы невежливо, а приглашать их в дом и слушать про «в упор» и «вброд» не хотелось. Даже если они сто раз правы. А они сто раз правы: я тоже не понимаю разницу в этих исключениях, но, как и большинство русскоговорящих людей, предпочитаю считать, что Розенталь и Ожегов неизменны, как законы физики. Видимо почувствовав что-то внимание, девушки развернулись на сто восемьдесят градусов, но и я буквально в эту же секунду сделал то же самое и уже медленно шел в противоположную сторону. Они меня не окликнули, наверное, не узнали из-за «шлема» на голове – спасибо тебе, волшебница Маргарита!

Глава 4

Киндер-сюрприз

*Наука ищет скрытое.
Гастон Башляр, философ*

На мое счастье, на улице было морозно, и девицы быстро освободили проход. Попав домой, я первым делом включил компьютер, так как собирался потоптаться по виртуальным стенам убитых любителей лобстеров и, возможно, сделать кое-какие свои записи до того момента, когда вернется Вика.

В этом смысле я оказался при Вике, что доктор Ватсон при Шерлоке Холмсе. Доктор вел дневник. В современной версии я должен был бы пристраститься к интернет-блогу, но выбрал кое-что другое. Поскольку то, чем занималась моя тетка, было делом довольно молодым и мало исследованным, я решил подробно записывать ход ее экспертиз, чтобы убить сразу двух зайцев: во-первых, сделать диплом по юридической филологии – тут тебе и готовый материал, во-вторых, опубликовать монографию в помощь экспертам-филологам и тем самым сразу обеспечить себе задел на кандидатскую диссертацию. Амбициозно? Само собой, я и не отрицаю. Но очень скоро в моем строго утилитарном замысле обнаружился совершенно непрактичный крен.

Оказалось, то, что делала Вика как профессионал, было в буквальном смысле этого слова связано с тем, как мы с нею жили. Тексты, которые ей приходилось анализировать, влияли на нас, но и мы, со своими мелкими проблемами и малопримечательными событиями жизни, вдруг коренным образом влияли на ход серьезных расследований. Это представлялось мне сущей мистикой, но Вика только рассмеялась, когда я пришел к ней с этим «гениальным открытием».

«А как ты хотел, если в начале было Слово?» – лукаво подмигнула она и вручила мне труды нескольких современных философов со странными, иностранными фамилиями, из которых Ролан Барт был самым простым, но только в плане фамилии. Читать же всех этих философов оказалось в равной степени невозможно. Тем не менее я прочитал, веря, что разгадка близка, ничего не понял, лишь усвоил кое-какие термины: постмодернизм, «весь мир – это текст» (а вовсе не театр, как я полагал раньше), «смерть автора» и «смерть субъекта». Осознать смерть автора оказалось труднее всего. В нашей квартире так часто появлялись абсолютно живые авторы из плоти и крови, которые гневно пеняли на нечистоплотность своих коллег по цеху, обвиняли их – тоже вполне себе живых – в плагиате, творческом бесплодии и идейной импотенции, что идея «смерти автора» казалась если не во все глупой, то точно несвоевременной.

А вот со смертью субъекта разобраться не составило труда, тем более что именно тут была зарыта собака моего мни-

мого открытия. Современные философы сообщали, что сознание любого человека состоит из множества цитат, и потому самого субъекта мышления как бы и вовсе нет. Картина, в общем, выходила довольно безрадостная, как будто живем мы все в огромной всемирной библиотеке и каждый – всего лишь высказывание: кто подлиннее, кто покороче, кто вообще какое-то междометие. Ужасно безрадостное открытие. В общем, пока я мысленно и физиологически дорастал до вершин современной гуманитарной мысли (все-таки постмодернизм изучают только на пятом курсе, когда, как выражалась тетка, «личинка филолога окуклится»), наша жизнь превращалась в сумму текстов, каждый из которых не был сам по себе, а все они были ВМЕСТЕ. Видимо, это и был тот самый мир, который текст.

Поэтому в моей собственной работе по расследованиям мне пришлось использовать метод тотальной записи всего происходящего, во всяком случае на первых порах. Так я стал доктором Ватсоном поневоле.

– Пишите, Шура, пишите, – развеселилась Вика, заглянув как-то в мой ноутбук. – Сейчас все что-то пишут. Особенно детективы! Это хит! «Знать, оттого так хочется и мне, задрать штаны, бежать за комсомолом», – обидно продекламировала она Есенина.

Если оставаться в рамках философских терминов, то я – стоик. Ужиться с моей теткой представитель другого философского течения не смог бы ни за что. Будь я постмодер-

нистом, то устроил бы Вике какую-нибудь тихую и неприметную смерть, позитивист – объявил бы ей пожизненный бойкот по законам объективной реальности. Но я на «задрав штаны», как и на многое другое, не ответил ничего и просто продолжил вести записи.

Несмотря на то что своим осадным сидением девицы украли у меня добрых полтора часа, я все-таки надеялся успеть поработать спокойно, без скоростных забегов и кенгуриных (согласно словарю Ожегова именно так выглядит прилагательное от слова «кенгуру») прыжков мысли моей родственницы. Скопировав электронный адрес, я открыл странички в социальной Сети, с которых покойники красиво улыбались миру. Страницы работали. Кто-то оставлял соболезнования и слова прощания прямо на стенах. Кто-то еще не знал о трагедии и оставлял в ящике сообщения: «Приходите в гости», «видели ваши новые фотографии с отпуска, класс! Звоните». Еще одна иллюзия Интернета.

Первым делом бросалось в глаза, что записи в основном вела Светлана Романихина. А ее муж, сын ученого по имени Валерий Романихин, чаще репостил и иногда комментировал записи супруги. Записи велись ежедневно, и репостил он ежедневно. Соответственно следил зорко.

Большинство записей на стене Светланы оказались организованы словами со значением «ходить», «быть», «присутствовать». Например, «Были на концерте Баскова. Супер!», или «Ходили на Хор Турецкого. Всем рекомендую!», или

«Сегодня были на ледовом шоу, завтра идем на «Вишневый сад», «Привет, Франция!», «Как прекрасны белые пески Гоа!», «Завтра идем в ресторан «Венеция». Празднуем три года совместной жизни!».

Примеры показались мне очень наглядными, и я немедленно сделал документ под названием «Анализ структуры и содержания страницы в социальной сети». Разделил документ на колонки: «стена», «группы», «личные сообщения», «другие записи (музыка, фильмы, заметки)». В графе «стена» появилась первая запись:

«Вася был тут», или check-in («чекин» от англ. «отметка»), – тип публичного высказывания, главной целью которого является сообщение о своей причастности к модным и престижным местам и/или событиям. Поскольку подробное расписывание жизни и уровня дохода в открытом доступе привлекательны для воров-домушников, данная версия должна быть проверена первой».

Однако в деле Светланы и Валерия это теоретическое положение не работало. Несмотря на то что молодые Романихины с удовольствием сообщали обо всех своих отлучках из дома в режиме реального времени, преступник или преступники не ограбили семью. Все вещи, по словам следователя Бориса, оказались на месте. Ничего ценного из квартиры не исчезло.

Изучив стену, я кликнул на список групп, в которых состояли Романихины. Молодая женщина и здесь былаnamно-

го активнее своего мужа. Светлана украшала свою стену изречениями из групп вроде: «Я целуюсь лучше, чем готовлю», «Мои глаза кайфуют, когда твои ревнуют», «Няшки-киски», «Испания, я от тебя в восторге!» и тому подобные сообщения, которые делают большинство страниц в социальных сетях похожими друг на друга до полного неразличения. Конечно, бессменная тема «мой котэ» также была представлена во всем своем грациозном многообразии. «Надо будет как-то объяснить Вике наличие этого ритуала, чтобы не смущать ее величество рацию», – сделал я себе пометку. Ничего примечательного в составе групп я не нашел и графу «Группы» оставил пока пустой.

Помимо объявлений с общим содержанием «мы были тут», на стене убитой девушки я заметил многочисленные оценки увиденному: «Восхитил фильм «Высоцкий». Очень проникновенно. Грим бесподобен!», «Выкрутасы» – классный фильм!», «Притворись моей женой» – отличная комедия. Посмеялись от души», «Горько!» – падали с кресел от смеха, мегакрутая комедия!».

Особенно развеселила запись: «Были на «Аиде». Это бренд. Всем идти!» Почему оперное искусство вдруг превратилось в бренд, перестав быть частью мировой культуры, и с какой стати идти должны все – не объяснялось, видимо, хозяйка страницы считала это самоочевидным. «Сверхкультовым» фильмом всех времен был назначен сериал «Друзья», а фильм «Жизнь Пи» про мальчика, который пересек оке-

ан в одной лодке с живым тигром, показался молодой даме «волнительным».

После таких записей обычно имелась совместная с мужем фотография: ведро попкорна, картонный динозавр.

В гильдию кинокритиков с такими оценками не попадешь, но и особенного в них ничего не было. Благо, что писала Светлана хоть и часто, но коротко.

«Урррра! Я в отпуске! Едем на море! Сингапур ждет меня!»...

– Что такое, над чем задумался? – услышал я голос Вики за спиной. Видимо, я увлекся и не слышал, как она вернулась из университета. Что-то подозрительно быстро.

– Решил немного узнать об убитых, – сознался я, машинально отодвигаясь от ноутбука.

– Узнал? Можно?

Она спросила только для формы, так как уже успела прочитать то немногое, что я внес в таблицу.

– М-м-м, – неопределенно протянула Вика, вытащила из сумки булку и, как в юности, не в силах дотерпеть до обеда, откусила горбушку. Мне тоже всегда хотелось горбушку, но я никогда не соперничал с ней.

– Пятую коонку гобафь, – жуя, пробубнила она.

– Пятую колонку?

– Мг.

– Зачем?

Наконец она справилась с куском:

– Языковая личность убитого.

– Что это такое?

– Ну, это все то, что тебе расскажут остальные колонки.

Вывод, короче говоря. Что за человек, какой у него пол, образование, социальный статус, интересы, интеллектуальный уровень и так далее. Все это можно узнать по тому, как человек говорит и пишет. Ты же в курсе, что мы все говорим по-разному? Мужчины и женщины – вообще разные языковые группы, можно сказать. Ну и вообще – инженер-москвич, женатый любитель спортивных каналов и крафтового пива говорит совсем иначе, чем фитнес-инструктор из города Ижевска, проводящий свободное время по клубам в поисках красивых девочек.

Конечно, я был в курсе. Я посмотрел на Викторию с некоторым укором, которого она по своей природной толстокожести даже не заметила или ей просто было все равно. Тем не менее, несмотря на неуместную демонстрацию интеллекта, предложение про языковую личность было разумно. Любая систематизация должна закончиться обобщением и выводом: я послушно добавил пятую колонку.

– Светлана здесь пишет про отпуск, – показал я на пост, на котором тетка меня застала. – Может быть, она работала неофициально?

– Нигде она не работала, – убежденно отрезала Виктория. – Как говорил один известный лингвист по имени

Джорж Серль, – вы его еще не изучали, так что расслабься, – при небольшом усилии воображения нетрудно представить себе ситуации, в которых форма высказывания не будет совпадать с его коммуникативной интенцией.

Я особенно и не напрягался, потому что все равно мало что понял.

– Другими словами, – продолжала Вика, раскладывая на кухне пирожки к чаю, купленные в булочной напротив. – Этот пост, как и в целом их страницы, говорит не совсем о том, о чем здесь написано. Понимаешь?

– Нет.

– Не прямое значение.

– А какое?

Она встала в дверях и нахмурилась:

– Странно. Это вы уже должны были проходить. Это называется метафора...

– Подожди, – перебил я. – Я знаю, что такое метафора. Это переносное значение: «глаз-алмаз», «железная леди» и тому подобное. Но при чем здесь...

– Да, молодец. – Вика, по обыкновению, не дослушала, скрылась на кухне и завозилась с чайником. Одновременно она не забывала кричать мне в зал: – Только переносное значение – понятие широкое. Я говорю о метафоре как о любом косвенном или образном выражении смысла. В каком-то смысле мы живем в мире метафор. Ты говоришь: спор – это война, и ты понимаешь, что это не поэтическая фигура речи,

а самая близкая реальность. Ты споришь и ведешь себя как на войне – атаки, контратаки, и это не кажется тебе чем-то странным. Потому что это же так понятно: спор – это война. Или время. Что такое время?

– Деньги, – крикнул я в ответ.

– В посудной лавке гуляет...

– Слон.

– Тетя, достань...

– Воробушка.

– Все верно! Мы говорим на языке метафор, потому что не все в этой жизни можно и нужно выражать прямо. Странички наших убитых – это тоже своего рода метафоры. Вернее, метафора.

– Метафора?

– Ну да. Одна метафора. Потому что все написанное тут – это метафора одной-единственной мысли.

Поверить в то, что под этим неисчислимым количеством слов и картинок скрывается только одна мысль, было довольно сложно. Я еще раз обратился к стене Светланы Романихиной, прокрутил страницу вверх и вниз, заглянул в глаза няням на безоблачных курортах и, кажется, понял, о чем говорит Виктория. Я встал со своего кресла и переместился на высокий барный стул на кухне. Тетка заменила обыкновенный стол на барный, поэтому и стулья к столу полагались соответствующие. Сама Вика вообще ела стоя, утверждая, что так пища усваивается лучше и не откладывается в ненужных

местах.

– Ты считаешь, они транслировали мысль «мы идиоты, у нас ужасный вкус»? – рискнул предположить я.

– Нет. Это твоя мысль. Ты основываешься на собственной оценке написанного. А теперь встань на их точку зрения.

– Ну, по их версии, должно быть наоборот: «мы крутые», «мы классные».

– Теплее!

– «Вам всем до нас как до Луны, только дорожке встанет»?

– Отлично. Уже горячо!

Однако, как ни подбадривала меня Вика, дальше этого я не продвинулся, и ей пришлось раскрывать метафору самой:

– Эти записи, дорогой мой, демонстрируют одну простую идею: «Мы – идеальные». Обрати внимание, в семье есть маленький ребенок, но мы видим его присутствие только на некоторых фотографиях, и все они совершенно особого типа. Обычно молодые мамы вступают в группы вроде «Лучшая в мире мамочка» или «Носики-курносики», обмениваются там рецептами овсяных каш или обсуждают особенности протекания запоров в разных детских возрастах или веселые случаи из жизни чада. Зависит от интеллекта и характера самой мамы, но смысл один. Здесь же ничего подобного мы не видим. Бытовая сторона материнства исключена из структуры этих страниц. Если ты посмотришь внимательнее, то поймешь, что ребенок в зрительном ряду выполняет ту же функцию, что фата или лимузин на свадебных фотогра-

фиях. Он должен быть. Без него картинка рушится, поэтому он есть.

Сказанное Викой звучало абсурдно, но я действительно не обратил внимания на наличие в семье ребенка.

Пока Виктория наливала чай, я сходил за ноутбуком.

– А почему убийца не тронул ребенка? – спросил я, убедившись, что фотографии с ребенком на страничках Романихиных действительно были, а значит, и ребенок у них имелся.

– Потому что ребенка в ту ночь дома не было. Обычно на выходные его сдавали бабушке и дедушке.

Тетка на удивление быстро разобралась в ритуалах соцсети. Она уже бросалась названиями детских песенок про каких-то барбариков в огромных башмаках, знала, в какую гавань должны заплывать пираты, и была информирована, что в группе «крошки-босоножки» дешевле. Не верить ее женскому чутью – значило восстать против всей человеческой эволюции.

В профиле Светланы Романихиной была выложена фотосессия с ребенком. Это была серия фотографий, где обнаженная по пояс мама держит красивого, пухлого карапуза, завернутого в мягкое махровое полотенце, профессионально прикрывающее их обоих.

– Судя по качеству исполнения, это была заказанная фотосессия, довольно недешевая: с выездом на дом, – пояснила Виктория.

Фотографии напоминали рекламу фирмы «Джонсонс Бэби», из-за огромного количества ретуши, как мама так и ребенок казались человекоподобными куклами из качественного силикона.

– А это точно их ребенок? – на всякий случай уточнил я.

– Что и требовалось доказать, – улыбнулась Вика победно. – В документах мальчик значится как некто Г. В. Романихин. Два года от роду.

На страницах пары имелись и другие профессионально сделанные снимки: фотографии на природе напоминали рекламу «Домика в деревне», лучисто-счастливые лица на фоне моря были выполнены в стиле плакатов на стенах центра планирования семьи. Я только хотел вернуть что-нибудь о заштампованности сознания, как Вика перемотала ленту фотографий на самое начало и увеличила одну из них.

– Вот, смотри, старые фото. Год назад. Торт, одна свечка, Романихин-младший в колпаке, шарики, мама в костюме эльфийской королевы, папа – волшебник Гендельф.

– И?

– Тебе не кажется, что этот маскарад годовалому ребенку не понять?

– Вряд ли годовалый чувак читал Толкиена. Что, снова толкиенисты? – спросил я.

– Не мудри лишнего. – Вика нетерпеливо потрянула головой. – Обрати внимание на адресата самого праздника. Этот праздник сделан для родителей, а не для ребенка. Кстати,

посмотри, тут же надпись от мужа жене: «Ты идеальная мамочка для нашего сына!» Вот и слово ключевое прозвучало: «идеальная».

Теперь все встало на свои места: надписи на стенах о прекрасно проведенном ужине, поцелуи, сердечки, постановочные кадры, и даже Macdonald's оказался в кассу, как образец семейного отдыха.

– Кстати, Вика, а ты заметила, что идеальная картинка в американском стиле? – спросил я.

– Скорее в американистом. Но это как раз понятно, если учесть, какие фильмы они смотрели: американская киноиндустрия – лучший мастер по созданию обывательской мечты. И отпуск, на котором ты завис сегодня, тоже часть этой мечты. Мы знаем, что девушка сидит дома, но все должны знать, что семья – это ее работа и призвание. И она справляется идеально, хотя иногда устает и ей нужен отпуск!.. Кажется, скоро я расквитаюсь с этим дурацким делом, – вдруг заключила Вика.

Мне пока было неясно, каким образом метафора идеальной семьи поможет обнаружить убийцу супругов Романихиных, но я знал, что спрашивать эту лентяйку тоже бесполезно.

Сама про себя тетка говорит, что у нее холерический интеллект. Типа она умеет заниматься несколькими делами сразу: читать параллельно (не путать с цезаревским одновременно) несколько книг, писать несколько статей, а чтобы за-

кончить работу, результат которой уже известен, ей требуется колоссальное напряжение силы воли. Объяснять, с ее точки зрения, очевидное – для нее самая худшая пытка. Даже не представляю, где и кем могла бы работать моя тетка, если бы не экзотическая, но, как оказалось, востребованная современным миром детективная филология.

– Да, еще шестую колонку расчерти: «Анализ визуальных образов», – сказала она, нацеливаясь схомячить вторую горбушку.

– Что?

– Фотки! Анализ фоток! Тормоз отпусти!

Я изловчился и отломил горбушку раньше, чем она:

– Сама отпусти свой тормоз!

– Ты ж не любишь горбушки. – Вика посмотрела на меня с удивлением, как на камень, который вдруг оказал сопротивление садящейся на него заднице.

– Кто тебе сказал?

– Это было самоочевидно.

– Ты даже не спрашивала!

– Но ты не просил.

– Я профто уфтупал тебе, – ответил я, демонстративно дожевывая отвоеванную булку.

– Благородно, – сказала она с такой мерзкой интонацией, что я чуть не подавился, а Вика уже перескочила. – Сашка! Это неслыханно! – голосила тетка из кухни, гремя посудой. – Сандалетин не пропускает мою статью! Ни в этот номер, ни

в следующий. А моя методика нужна мне на процесс. И он знает об этом. Я вляпалась.

– По-моему, этот факап случился с тобой довольно давно, – ехидно заметил я и тут же отправил ей СМС: «fuckup» – «провал».

– Провал?! – переспросила она.

– Ну ты же что-то сделала для того, чтобы чувак так возненавидел тебя, – многозначительно кивнул я.

Я помнил Сандалетина, когда он еще не был ни ученым секретарем, ни даже просто ученым. Каждое лето во времена Викиной учебы в аспирантуре к нам в поселок наведывались несколько ее приятелей. Мы жили недалеко от города – десять минут на электричке, но уже какая-никакая, а все-таки природа. Однажды приехал и Сандалетин. Сначала он ходил вместе со всеми, потом его видели байронически тоскующим на берегу реки, а потом он уехал, не догостив, не дождавшись товарищей, чем, впрочем, никто особенно не расстроился. Мимолетный эпизод. Я с трудом воскресил в памяти его грустную вытянутую физиономию парафиновой бледности, сказал бы автор девятнадцатого века.

Однажды Вика вернулась из университета дрожащая, как медуза на блюде, и, адски вращая глазами, прошипела: «Помнишь Сандалетина?.. Кирилл... Михайлович, длинный такой, несчастный?.. Ну и козе-о-о-ол!»

– Разве ты не можешь использовать свою методику без публикации? – поинтересовался я.

– В том-то и беда – без признания научной общественности, будь ты хоть второй Лотман, хоть первый Лихачев. Публикуй или заткнись.

– А другой журнал?

Виктория перестала греметь и появилась в дверном проеме.

– Во-первых, публикуясь в своем городе, я поддерживаю нашу научную школу, во-вторых, здесь быстрее, во всяком случае, до Сандалетина было так, ну, а в-третьих, и это главное, – тут уже дело принципа, – сказала Вика устало, и я вдруг увидел, как она на самом деле расстроена.

– Понимаю, только не понимаю почему? За что он нас так ненавидит? Он же развернул настоящую войну. Напомнить тебе, сколько раз я пересдавал его зачет?

Виктория ничего не ответила, прошла в комнату и села рядом на диван. Мы были с нею почти одного роста, наши плечи соприкоснулись и волосы перепутались. Волосы были одинакового светло-русого оттенка, только у нее теперь вились мелкими спиральками и блестели.

– Да? – обернулась ко мне тетка, почувствовав мой взгляд.

– Подставляю тебе плечо.

Она положила ладонь на мою тощую ключицу.

– Не густо. – И звонко рассмеялась, развеселив, по обыкновению, сама себя.

В кармане ее джинсов звякнуло. Прочитав сообщение, Вика проворчала:

– Да что ж это за день-то такой! Включи компьютер, – попросила она, а сама отправилась на кухню.

– Я не понимаю, ты до сих пор не на месте, что ли? – раздался уже знакомый мне серо-синий голос, а еще через пару секунд на экране появилось и лицо. Следователь Борис оказался крупным розовощеким парнем, его темно-серые глаза смотрели открыто и как будто удивленно.

Серьезный голос не соответствовал этой благодушной физиономии, однако, увидев на экране меня вместо Виктории, он быстро напустил на себя серьезный вид. Вид этот, впрочем, мало подходил лицу Серо-синего: выглядел следователь как глубоко озадаченный жизнью пес породы бассет-хаунд.

Не зная, что говорить, я вежливо улыбнулся и поздоровался. Борис сделал то же самое, задержавшись взглядом на моей прическе в виде лакированного ведра. Едва заметная тень пробежала по лицу следователя, но он, конечно, никак не прокомментировал увиденного.

Какое-то время я глупо лыбился в экран, поглядывая в сторону кухни, в надежде, что Вика подаст оттуда какой-то знак, но она поела пирожки и не проявляла к звонку своего коллеги никакого интереса.

– Вы, наверное, Александр? – спросил наконец Борис. – Виктория давно выехала, вы не в курсе? Мы ждем ее в доме жертв, не начинаем...

Сначала я хотел соврать, что Вика в пути, но сама Виктория вдруг начала что-то показывать руками, как будто вы-

кручивала из воздуха лампочки, и я в конце концов сказал правду, так и не поняв, что конкретно она имеет в виду: надо ли потянуть время или исполнить танец с кастаньетами.

Виктория была на месте, но только не на месте преступления, где следователь планировал пройти по подъезду и опросить возможных свидетелей, а на своем рабочем месте, адрес которого по негласному договору с ее непосредственным начальством совпадал с адресом прописки. Другими словами, Виктория работала дома.

Не спрашивайте, как она это устроила. Удивлялись весь Следственный комитет совместно с прокуратурой. Я знаю только одно: если речь заходила о том, чтобы не расставаться с любимым другом и соратником – диваном, Виктория могла проявить чудеса дипломатии.

Следующий жест был более чем прозрачен: Вика покрутила пальцем у виска и показала на меня пальцем.

– И что она о себе думает... – начал Борис, поднимаясь по интонационной лестнице все выше и выше, но в этот момент Вика наконец появилась на экране из-за моей головы, брякнув как ни в чем не бывало: «Привет!»

– Привет, – изогнул брови следователь. – Мы вообще-то из-за тебя на час задержали.

– Слушай, а давай сделаем так, – бодро начала Вика. – Оставь скайп включенным, и я все услышу и увижу, что мне надо увидеть и услышать. Я просто только что из университета, не успеваю, кажется, подъехать, – выдала Виктория,

хлопая покрашенными ресницами и кокетливо откидывая челку со лба.

Глядя на багровеющее лицо следователя, я мысленно зажмурился.

– Слушай, отличная идея, – передразнил Борис ее легкомысленный тон, но в следующую секунду спросил уже без улыбки: – Почему не поехала сразу к нам, как договаривались?

Поняв наконец, что закос под дурочку не сработал, она взяла паузу на несколько секунд.

Как всякий человек, тщательно скрывающий от посторонних глаз сакральное отношение к собственной личности, Вика могла сколько угодно шутить и иронизировать над собой, но терпеть не могла, когда ее откровенно щелкали по носу, даже когда она была очевидно не права. Сейчас был именно такой случай – на все сто пятьдесят процентов, – однако она все равно ринулась в атаку.

– Просто я подумала, что нет особенной разницы между скайпом и личным присутствием. – Вика склонила голову, продемонстрировав, как тугие блестящие спирали кудрей роскошной волною перекатываются через плечо. – К тому же по не зависящим от меня обстоятельствам мне пришлось задержаться в университете, и я подумала, что вы уже начали без меня.

Она сделала контрольный поворот головы и умильно поджала губы, но только все это ни черта не действовало. Наобо-

рот, Борис только больше рассвирепел, и его длинное щекастое лицо стало похоже на огромную красную картофелину. Следователь оказался не так прост, как казалось на первый взгляд.

– А трубку почему не брала? – ледяным тоном поинтересовался следователь.

Виктория махнула рукой и проговорила, оправдываясь немного капризно:

– Борь, ну не слышала я. На ученом совете была. Давно договорилась, поехала, задержали. Ну что сейчас судить-рядить? Поставь телефон в карман камерой вверх, да и дело с концом я все прекрасно услышу и так.

Мне было неловко сидеть между ними. Когда Вика вспоминала о своей красоте, она чудовищно переигрывала.

– Вика, сегодня я тебя второй раз уговариваю поработать. Что это такое? Я сейчас поставлю, только не скайп, а диктофон. Запишу тебя и начальству передам, – без всякой иронии проговорил Борис.

Наконец тетка была вынуждена признать, что проиграла. Она криво усмехнулась, но весь ее вид все равно говорил о том, что она крайне обескуражена столь неподобающей реакцией.

– Боря, если б у меня были хотя бы процентов пять надежды, что вы что-то полезное услышите от этих свидетелей, я бы побежала впереди тебя. Но у меня нет этих пяти процентов, понимаешь? Нет!

– Виктория, извини, но вот это сейчас рапорт.

– Хорошо, буду через полчаса, – пробормотала она и моментально скрылась из поля зрения камеры.

– Через пятнадцать минут! – крикнул вдогонку Борис.

На этот раз я был с ним согласен. Вика вполне заслужила не только рапорт, но и неджентльменское обращение.

Глава 5

Красавица и красавчик

В каждом из нас слишком много винтов, колес и клапанов, чтобы мы могли судить друг о друге по первому впечатлению или по двум-трем внешним признакам.

Антон Чехов. «Записные книжки»

Микрорайон, в котором находилась квартира убитой пары, расположен в географическом центре города, и добрать-ся до него за пятнадцать минут не составило особого труда, однако ориентироваться внутри самого района оказалось делом непростым. Общего ограждения застройка не имела, но внутри каждый дом озаботился постановкой собственного отдельного забора, и эту страстную жажду оттяпать у соседей элитные квадратные метры придомовой территории можно смело признать проклятием элитного района. Все внутреннее пространство здесь превратилось в настоящий лабиринт Минотавра, особое коварство которого заключалось в том, что сварная сетка, служившая лабиринту стенами, была покрашена в каждом случае в собственный цвет. Это сбивало с толку окончательно и бесповоротно. Мы с Викторией потратили добрых двадцать минут, пока выбирались из разноцветных тупиков, и когда прибыли на место, Борис и двое следова-

телей с ним ждали нас на крыльце, пуля в лобовое стекло Викиного «Матиса» разъяренные взгляды.

– Черт! – выругалась тетка, изобразив на лице выражение нежное, если не сказать, придурковатое. То, что произошло дальше, было совершеннейшим театром, продолжением того представления, что Вика начала творить по скайпу. Но если в первом случае это еще могло прокатить по статье «попытка не пытка», то сейчас ее игра выглядела просто глупо и откровенно не к месту. Я сделал мысленный фейспалм: кажется, отношения с новым следователем у нас не заладились.

Выползая из машины, Виктория вдруг задела каблуком порожек и покачнулась, чуть было не вывалившись прямоком в грязную лужу. Каким-то чудом ей удалось схватиться за дверь, удерживая таким образом ненадежное равновесие, она сделала резкий шаг вперед. Взбитые в парикмахерской кудри живописно окружили ее и без того красивое лицо, огромные васильковые глаза распахнулись.

– Прошу меня простить, – слегка улыбнулась Вика и, хлопнув дверью, направилась к ожидавшим.

– Ну че так долго-то? – буркнул Борис и, неожиданно смутившись, отвел глаза.

Виктория молчала, сделав бровки домиком. Борис дернул плечами, приосанился и... расплылся в глупой ответной улыбке. Секунд через десять двое спутников последовали его примеру.

– Вик, иди сюда, я тебя ребятам представлю, – пробурчал

Борис и даже сошел с крыльца, подавая ей руку.

Вживую салон красоты наконец-то сработал. Вряд ли, конечно, тетка была довольна таким эффектом: все-таки пришлось оторвать от дивана своего внутреннего тюленя и отправляться в чужой холодный подъезд. Но такова была правда жизни. Красота по скайпу не работает.

Язык и сознание тесно связаны. Как говорится, если в языке нет слова «конституция», то и самой конституции скорее всего нет. По-моему, в словаре Вики не было такого слова, как «эмпатия». Она как-то удивительно эмоционально холодна. Как всякий увлеченный человек, выше всего она ценит независимость. Мужики слетаются к ней, как бабочки на свет: среди них и жирные махаоны, и крохотные мотыльки, старше, моложе, умнее, глупее, она не оставляла равнодушными никого. Однажды Вика побывала замужем и даже казалась увлеченной своим избранником, но через год брак распался. Без особых истерик и лишних ходов. Удивительно спокойное расставание. К тому моменту, как я закончил школу, Виктория уже снова жила одна. Как-то она призналась мне, что самое большое несчастье замужества – это вечный компромисс между необходимостью быть с дорогим человеком и одиночеством, а без возможности быть одной она чахла и медленно погибала. Вика не любит вести откровенные разговоры, но как-то призналась, что сама поставила себе диагноз. «Я вытесняю все вокруг, – грустно улыбнулась она. – Меня слишком много даже для меня самой. Но ты не

в счет, у тебя противоядие».

Мое противоядие состоит из двух компонентов: это полный пофигизм и автономный режим. Когда у Вики нет дел в работе, мы можем не разговаривать по два дня. Такая вот тетка странная барышня. Однако ее холодность не значила, что Вика не знала о своей красоте и не использовала ее в корыстных целях. Как всякая женщина, в этом смысле она коварна.

Убедившись, что фортель с опозданием сошел ей с рук, Виктория перестала суетиться и вежливо улыбалась мужчинам, очаровательно хлопая искусно наклеенными ресницами.

– Вот, следовательно Марат Салимов, – сказал Борис, показывая на молодого человека с миловидным и очевидно неумным лицом.

Виктория кивнула Марату Салимову и на секунду так и застыла с опущенной вниз головой, отчего взгляды всех присутствующих моментально устремились за ее взглядом.

С ширинкой у следователя Марата все оказалось в порядке, следующая остановка была – носки... Да, это были носки: из-под форменных, но почему-то слегка коротковатых, словно следователь вырос из них, брюк торчали белые махровые носки, один из которых еще и немилосердно сполз, сложившись у щиколотки мохнатой гармошкой.

– А это Иван Яровкин, будет вести протокол, – продолжал Борис, водрузив на лицо чрезвычайно серьезное выражение,

с каким православные попы освящают новые машины прихожан. Выражение «я все понимаю, но это моя работа».

Иван Яровкин, грузный парень с прыщавым носом и глазами навывкате, не производил ровным счетом никакого впечатления, что было, возможно, даже хорошо.

– Марат и Иван, опросите соседей, – продолжал Борис. – Может, они видели, кто приходил вчера вечером к убитым. Крики кто-то наверняка слышал, громкие разговоры, звуки ссоры. Что за люди эти Романихины, кто вообще бывал у них. В общем, не мне вас учить. Вика, ты послушаешь, если сочтешь нужным, задавай свои вопросы.

– Саша тоже с нами пойдет, можно? – уточнила Вика, лучезарно улыбаясь, когда он закончил. – Он запись сделает и расшифрует.

– Нет проблем, – пожал плечами Борис.

Сам же Борис отправился в соседний дом, где находился ОПОП, или опорный пункт охраны порядка, к местному участковому за дополнительными сведениями о 10-м этаже, где проживали потерпевшие.

Как только мы вчетвером вошли в лифт, Виктория потеряла всякий интерес к происходящему вокруг. Проигнорировав попытки Марата и Ивана завести светскую беседу с хорошеньким экспертом, она достала телефон и демонстративно вперилась в «Контакт». Теперь он у нее имелся.

На площадке 10-го этажа расположились три квартиры: 100, 101 и 102. Квартира 101 стояла опечатанная. Салимов

завертел головой, выбирая между обитой деревянными речками дверью 100-й и простой железной 102-й, когда его размышления прервал звонок его же мобильного.

– Да. Да, понял вас, товарищ майор, – отрапортовал Салимов и пояснил для нас, важно шурясь: – Борис это. От участкового звонит. Говорит, что в квартире номер 100 живет парень с оружием. Новиков Олег. Кому попало оружие не дают. Поэтому начинаем с него.

Однако нам не повезло. Парня дома не оказалось. Дверь квартиры 100 открыла странного вида пожилая женщина, представившаяся матерью жильца с оружием, и сообщила, что ее сын находится в недельной командировке в Москве, а пистолет мы можем хоть сейчас проверить, все на месте, все в порядке.

Мы с Викторией стояли, на лестнице, подперев стену. Виктория все так же безучастно ко всему окружающему миру ковырялась в телефоне, я же, как и было обещано Борису, держал в руке включенный диктофон и внимательно наблюдал. Старушка из квартиры 100 производила впечатление полного неадеквата. О случившемся она была в курсе и, судя по ее наряду, давно поджидала нас, своих новых зрителей и слушателей. На голове женщины был повязан цветастый платок в виде индийского дастан-тюрбана, который она натянула до самых бровей, нарисованных жирными черными дугами. На худой груди бабки висела атласная траурно-черная блузка, черная юбка-карандаш была перепоясана

ярко-желтым поясом с гигантской пряжкой в виде какой-то райской птицы с хвостом из цветных страз. Из-под юбки, казавшейся слишком короткой для ее возраста, торчали толстые ноги в черных колготках в сеточку, на ногах – ярко-голубые туфли. Образ дополняла малюсенькая ярко-красная сумочка, перекинута через плечо. Одного взгляда на женщину было достаточно, чтобы понять, как долго она готовилась к своему выходу. Ясное дело, бабка не желала упускать ни единой секунды.

– Вчера поздно вечером? – Старуха сделала страшные глаза отчего ее жирные черные брови заползли под тюрбан. – Нет, вчера ничего не слышала и кто приходил не видела. У них ведь тут много кто ходит, всякие друзья-подружки. Светка-то, она ух погулять любит! Проститутка, прощман-довка. Красавица кисейная! Я ей говорю: ты, девонька-припевонька, прибережи-ка волосы, чего распушилась, как щетка половая? А она ржет мне в глаза, как кобылица.

– Подождите-подождите, Антонина Николаевна, – прервал ее Марат, а Иван отошел в сторону и тяжело вздохнул, не переставая записывать что-то в протокол, но, впрочем, без особого рвения. Диктофон в его кармане мигал красной кнопкой записи. – Вы говорите, у них много народу вчера было?

Старуха сморщила рот и нахмурилась – брови снова выползли из-под тюрбана, а на открывшемся участке лба проступили черные смазанные следы. Салимов продолжал

опрос, не обращая внимания на вид собеседницы.

– Ты меня плохо слышишь, что ли? – воскликнула бабка. – Вчера, говорю, не видела, кто приходил. Я вчера «Голос» смотрела, нокауты. Я за команду Градского болею... Ну и пусть, все время он выигрывает, пусть лучше он. А то кому же? Гагариной, что ли, – этой проститутке? Или Лепсудураку? Нет уж, пусть Градский...

– Ладно, хорошо, Градский, – покорно согласился Салимов, но тут же спохватился: – Подождите, какой еще «Голос»? «Голос» по пятницам идет, а сегодня вторник.

– А у меня вся подборка есть, сын мне записал, я каждый день смотрю, – с вызовом заявила бабка, явно гордая собой и своим сведущим в новейших технологиях сыном.

– Понятно. А кто, вы говорите, часто ходил в гости к семье Романихиных? Можете вспомнить?

– Да как их всех упомнишь?! – Бабка метнула в следователя уничижающий взгляд. – Не о том ты, дурак, спрашиваешь... Не о том.

– Гражданка Новикова, попрошу не оскорблять... при исполнении... – нарочито строго предупредил Салимов.

Следователь оглянулся на нас с Викой и завел ногу за ногу, нервно почесав махровой щиколоткой в гармошечном носке другую, негармошечную. Удостоверившись, что ни обзывательство бабки, ни его строгий тенорок не произвели на красавицу эксперта ровным счетом никакого впечатления, Салимов продолжал:

– Следователи знают, о чем спрашивать... Так как вы можете охарактеризовать убитых? Были ли у них враги? Какие отношения были с соседями?

Женщина покачала головой, то ли отрицательно, то ли просто собиралась с мыслями.

– Я вообще эту молодежь не понимаю. Она в ресторан, и он в ресторан, она в фитнес-шмитнес жопу свою накачивать, он ей денежки на пожалуйста несет. Она губищи накачала сейчас лопнут. Он – штанишки носит в облипочку, аж видно чего там и сколько у него наложено. У нее платья, у него – машины. Она дура, и он такой же дурак. А ребенок-то весь больной, так хоть бы раз в санаторий с ним или на море... Денег ведь куры не клюют... Нееееет, сами то в Грецию, то в Швецию, да все одни. За уши бы их обоих отодрать, а некому, видать, было.

– Я вас не про это спрашивал, – снова прервал Салимов.

– А я тебе про это! Но могу и про то. Как скажешь, я все могу.

Виктория подняла голову от телефона и впервые с интересом посмотрела на происходящее. А посмотреть было на что. Бабка стояла в просвете двери своей квартиры, подсвеченная сзади желтой лампочкой из коридора, и вещала, размахивая руками, как партийный лидер на съезде партии. Следователь слушал ее со скучающим видом, многозначительно переглядываясь со своим напарником, который чуть в отдалении нетерпеливо переминался с ноги на ногу. Поняв нако-

нец, в чем дело, Салимов сделал пару шагов назад, а Яровкин, последовав его примеру, начал медленно отъезжать в сторону по стене. Кому хочется тратить время на умалишенных?

— Друзья всякие ходили, подружки, — вздохнула бабка, в свою очередь тоже глянув на Салимова, как на сумасшедшего. — Вечеринки они любили делать. Анжела вон у нее подружка-спортсменка хренова. Вся из себя, задница как тумбочка. Приходила, чаи зеленые с тортиками распивали. То же дура та еще. А по выходным Светка с Валеркой дома не сидели, все где-то мотались.

— А с соседями как?

— Хрен через пятак.

— В каком смысле?

— Не знаю как.

— Ну как же, — настаивал Салимов. — Вы же общались, замечания, говорите, убитой женщине делали. Правильно?

— Делала, мало только делала, как видно.

— Как она реагировала?

— Никак. Мимо проходила. Смеялась.

— Ничего не говорила?

— Нет, не говорила.

— Никогда?

— Нет! — вдруг истошно закричала бабка.

— Спасибо, спасибо! Можете быть свободны, — поспешно пробурчал следователь, разворачиваясь к квартире номер

102, но бабка уходить не торопилась.

– Я им характеристики могу дать. Исчерпывающие. Письменно! – взвизгнула она, отчего Салимов подпрыгнул и снова оказался рядом с бабкой.

– Попозже-позже, обязательно напишем, – отчеканил он ей в лицо. – Идите домой, не стойте тут, не толпитесь, да и холодно.

– Ну ты и... – Было видно, что бабка имела слова не только для характеристики убитых, но также и для самого следователя Салимова, однако она сдержалась, продолжая стоять на площадке.

В квартире 102, на двери которой висела задорная желтая табличка с улыбающейся рожицей и подписью «Вносите позитив!», проживала молодая семья – ровесники убитой пары. Не дожидаясь звонка, дверь нам открыла молодая женщина в нежно-розовом домашнем костюме с заячьими ушками на капюшоне, на руках у женщины сидел ребенок, годовалый или около того.

– Я слышала все, мы тут, у двери стояли, – сказала женщина тихо, и в ее больших темных глазах блеснули слезы. – Вы Новикову не слушайте, она не в себе. Актриса погорелого театра. Орет через дверь всем «проститутки», «дураки». Они со Светланой не разговаривали. Новикова дверью демонстративно хлопала, когда я или Света на площадку выходили. Только в щель обзывалась и в глазок за всеми подсматривала.

Нам с Викторией пришлось подойти поближе, чтобы слышать то, что говорила соседка в розовом. Когда мы проходили мимо двери квартиры 100, бабка схватила Victорию за рукав и проговорила почти шепотом:

– Слышишь, красавица, наговаривает на меня Жанка.

– Слышу, – ответила Виктория серьезно. – А вы постоитe тут, проконтролируйте.

– Само собой, – хмыкнула бабка и сожмурилась, отпечатывая брови на тюрбан, мол, будет сделано.

– Антонина Николаевна, вы в театре играли? – спросила зачем-то Виктория.

Бабка расплылась в улыбке, подошла и вдруг сникла, так же быстро, как и расцвела:

– Не ври, не надо этого. Мала ты была, чтобы меня в театре помнить. А я ведь... Вассу играла, и леди Мильферд в «Коварстве и любви», и матушку Огудалову в «Бесприданнице», и Раневскую в «Вишневом саде».

– Билетершей она работала в театре, – громко припечатала Жанна с другой стороны лестничной клетки.

Бабка дернулась, как от удара током, плюнула и смачно обматерила молодую соседку. Мы подошли ближе к Салимову и Яровкину, которые стояли уже на пороге квартиры Жанны:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.